

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 11, № 4
2024

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 11, № 4
2024

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 11, № 4
2024

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 11, № 4
2024

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования
- 5.2.5. — Мировая экономика (экономические науки)
- 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• **Андрей Вячеславович Ишин**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

• **Владимир Иванович Аникин**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

• **Леонид Александрович Карабешкин**, к. п. н., Евроакадемия, Таллин, Эстония

• **Евгений Петрович Бажанов**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• **Балташ Нурмухамбетович Карипов**, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан

• **Анджей Вержбицки**, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша

• **Олег Геннадьевич Карпович**, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• **Светлана Михайловна Гаврилова**, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• **Геннадий Владимирович Косов**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия

• **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США

• **Олег Евгеньевич Гришин**, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

• **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия

• **Лукаш Донай**, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

• **Елена Михайловна Кузьмина**, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примова РАН, Москва, Россия

• **Игорь Сергеевич Зонн**, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

• **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	ООО «Издательство "Триада"»: пр-т Чайковского, 9, оф. 514, Тверь, 170034, Российская Федерация
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	30.12.2024
Стоимость одного выпуска:	свободная цена
Подписной индекс:	в каталогах «Урал-Пресс» — 41291
© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0 бесплатно.	

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 5.5.2. — Political Institutions, Processes, Technologies (Political sciences)
- 5.5.4. — International Relations, global and regional studies
- 5.2.5. — World Economy (Economic sciences)
- 5.6.7. — History of International Relations and Foreign Policy (Historical sciences).

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Andrej G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”
Publisher’s address:	Moscow, 127576, Abramzevskaia str. 8A
Printing house:	Publishing House Triada, Ltd. Address: 9, office 514, Tchaikovsky ave., Tver, 170034, Russian Federation
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	30.12.2024
Price for a copy:	open price
Index for subscription:	In catalogues of Ural press: 41291
© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0 free of charge.	

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

**Политика России на евразийском пространстве
в условиях конфронтации с Западом.....** 270
Сергей С. Жильцов

Украинский кризис: истоки, последствия и перспективы..... 284
Марк А. Неймарк

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

**Внешняя политика Ирана в Центральной Азии в период Эбрахима Раиси:
перспективы участия в евразийских интеграционных процессах.....** 292
Элиана А. Сатарова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

**Идентичность Донбасса в восприятии украинской политической аналитики
(2014–2022 гг.) и конструирование образа врага.....** 301
Андрей В. Баранов, Юлия В. Костенко

**Особенности политических процессов в странах
Центральной Азии на современном этапе.....** 312
Елена Г. Гарбузарова

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Эволюция внешней политики Казахстана..... 325
Алексей В. Мамедов

**Внешиполитическое поведение государства
в теории неоклассического реализма: на примере Румынии.....** 333
Даниела Г. Драган

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

Russia's policy in the Eurasian area amid confrontation with the West..... 270
Sergey S. Zhiltsov

Ukrainian crisis: origins, consequences and prospects.....284
Mark A. Neimark

ECONOMY

Iran's foreign policy in Central Asia under Ebrahim Raisi: prospects of participation in Eurasian integration..... 292
Eliana A. Satarova

POLITICS

The identity of Donbass in the perception of Ukrainian political analysts (2014–2022) and the construction of the image of the enemy.....301
Andrey V. Baranov, Yulia V. Kostenko

Features of Political Processes in Central Asian Countries: at the present Stage..... 312
Elena G. Garbuzarova

HISTORY AND RELIGION

Evolution of Kazakhstan's foreign policy..... 325
Aleksey V. Mamedov

The foreign policy behavior of the state in the theory of neoclassical realism: on the example of Romania..... 333
Daniela G. Dragan

Политика России на евразийском пространстве в условиях конфронтации с Западом

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: санкционная политика Запада в отношении России привела к кардинальному изменению российского внешнеполитического курса. Западный вектор внешнеполитического курса, который продвигался с конца 1980-х годов, стал меняться на рубеже XX и XXI веков. Под давлением, оказываемым Западом, российская внешняя политика стала уделять большее внимание так называемому восточному вектору, расширив политические и экономические контакты с незападными государствами. Основное внимание России было обращено к странам евразийского пространства, для которых политика Запада также создавала значительные риски. В итоге, за прошедшие десятилетия российская политика сделала кардинальный разворот, сформировав новый каркас экономических отношений и создав прочный фундамент для дальнейшего развития политических связей с евразийскими государствами. В последние годы процесс формирования новых отношений с евразийскими государствами стремительно ускорился, прежде всего, в силу обострения отношений России с Западом. Это привело к фундаментальному пересмотру Россией своей внешней политики, которая была вынуждена реагировать на конфронтационный курс со стороны западных государств. В статье проанализированы основные итоги, которых добилась Россия в отношениях со странами евразийского пространства. Сделан вывод, что разворот российской политики в направлении евразийского пространства носит долгосрочный характер и отвечает интересам России.

Ключевые слова: Россия, Евразия, Запад, антироссийская политика, евразийское пространство

Для цитирования: Жильцов С.С. Политика России на евразийском пространстве в условиях конфронтации с Западом. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(4):270–283. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-270-283>

Поступила 21.09.2024

Принята в печать 23.11.2024

Опубликована 30.12.2024

Russia's policy in the Eurasian area amid confrontation with the West

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

serg.serg56@mail.ru

Abstract: Western sanctions against Moscow have led to a radical change in the Russian foreign policy course. The Western direction of Russia's diplomacy, which had been promoted since the late 1980s, began to change at the end of the XX and at the beginning of the XXI centuries. Amid the Western pressure, Moscow began to give higher priority to the eastern direction, expanding political and economic contacts with non-Western states. Russia's main attention was turned to the countries of the Eurasian area, for which the policy of the West also created significant risks. As a result, over the past decades, Moscow's diplomacy has made a radical turnaround, establishing a new framework of economic relations and creating a solid foundation for the further development of political ties with the Eurasian states. Furthermore, in recent years, the forming of new ties with Eurasian countries has rapidly accelerated, primarily due to the worsening of the relations between Russia and the West. This factor provoked a fundamental revision of Moscow's foreign policy, which was forced to respond to the confrontational course of the Western states. The article analyzes the main results that Russia has achieved in its relations with the Eurasian countries. The research concludes that the shift of Russian policy towards the Eurasian area has a long-term basis and meets the interests of Moscow.

Keywords: Russia, Eurasia, West, anti-Russian policy, Eurasian area

For citation: Zhiltsov S.S. Russia's policy in the Eurasian area amid confrontation with the West. *Post-SovietIssues*. 2024;11(4):270–283. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-270-283>

Received 21.09.2024

Revised 23.11.2024

Published 30.12.2024

ВВЕДЕНИЕ

Санкционная политика Запада в отношении России в 2022-2025 годах привела к кардинальному изменению российского внешнеполитического курса. Западный вектор внешнеполитического курса, который продвигался с конца 1980-х годов, стал меняться на рубеже XX и XXI веков. Под давлением, оказываемым Западом, российская внешняя политика стала уделять большее внимание так называемому восточному вектору, расширив политические и экономические контакты с незападными государствами. Основное внимание России было обращено к странам евразийского пространства, для которых политика Запада также создавала значительные

риски. В итоге, за прошедшие десятилетия российская политика сделала кардинальный разворот, сформировав новый каркас экономических отношений и создав прочный фундамент для дальнейшего развития политических связей с евразийскими государствами.

В последние годы процесс формирования новых отношений с евразийскими государствами стремительно ускорился, прежде всего, в силу обострения отношений России с Западом. Это привело к фундаментальному пересмотру Россией своей внешней политики, которая была вынуждена реагировать на конфронтационный курс со стороны западных государств. В статье

проанализированы основные итоги, которых добилась Россия в отношениях со странами евразийского пространства. Сделан вывод, что разворот российской политики в направлении евразийского пространства носит долгосрочный характер и отвечает интересам России.

РАСПАД СССР: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

Распад СССР привел к появлению на политической карте мира новых независимых государств, которые сразу оказались в фокусе внимания ведущих государств мира. Повышенный интерес к новым независимым государствам определялся наличием геополитических интересов, которые имели в первую очередь США и ЕС, в отношении бывшего Советского Союза, так и экономическими факторами, связанными с получением доступа к сырьевым ресурсам и промышленному потенциалу.

Продвижению интересов западных стран на постсоветском пространстве способствовали трудности, с которыми столкнулись новые независимые государства. Политические элиты, оказавшиеся у власти на момент распада СССР, отличались ограниченностью, непрофессионализмом, ориентация на обслуживание собственных интересов. Элита бывших советских республик оказалась не готовой к осмыслению политических, экономических и культурных трансформаций, которые произошли после исчезновения с политической карты мира СССР. Она не смогла предложить пути развития собственных стран, а населению – перспективы выхода из социально-экономического кризиса. В результате, новые независимые государства стали развиваться в русле интересов внерегиональных акторов, которые в сжатые сроки навязали, а затем и закрепили их в русле своих долгосрочных интересов. Это привело к снижению роли новых

независимых государств в современных мировых экономических и политических процессах, превратив постсоветское пространство в клубок противоречий. Бывшие республики оказались не только не способны влиять на мировые процессы, но и заняли подчиненное положение, попав в зависимость от западной политической поддержки и финансовой помощи. В итоге, сложилась ситуация, при которой внешняя и внутренняя политика стали разрабатываться за пределами новых государств. В конечном счете усилия Запада были направлены не только на установление контроля над политическими элитами новых независимых государств, видевших в западных партнерах гарантов их независимости, сколько на разрушение единого экономического, культурного, гуманитарного пространства, созданного в Советском Союзе.

Негативное влияние на позиции стран постсоветского пространства оказывала их технологическая отсталость, неспособность работать в новых экономических условиях. В то же время элиты постсоветских стран были вынуждены идти на уступки западным странам, что вело к разрушению их экономического и финансового потенциала.

В условиях геополитического реформирования сил в мировой политике Россия пыталась продвигать собственные интересы на евразийском пространстве. Однако реализация амбициозных геополитических планов, предполагавших вхождение в клуб развитых государств, не была подкреплена ни экономическим потенциалом, который резко снизился после распада СССР, ни в концептуальном плане. Российская элита не имела четкого и выверенного представления о развитии государства. Тем более, что в 90-х годах прошлого века, в российской политике доминировал

прозападный вектор, который отвечал интересам развитых государств.

Реализации политики России на евразийском пространстве препятствовал ряд фундаментальных причин, определивших дезинтеграционные тенденции и дефрагментацию постсоветского пространства. Прежде всего, это было связано с тем, что после распада СССР новые независимые государства стали проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Заявления стран постсоветского пространства о заинтересованности в расширении сотрудничества с ближайшими соседями и реализации интеграционных проектов не получили практического воплощения и, как правило, вступали в противоречие с документами и инфраструктурными проектами, которые предполагали значительное расширение взаимодействия с внерегиональными акторами. Страны постсоветского пространства не смогли наладить сотрудничество на многосторонней основе, хотя необходимость сохранения собственного экономического потенциала повышала у новых независимых государств заинтересованность в налаживании сотрудничества в рамках интеграционных объединений. В то же время, новые политические элиты были «не заинтересованы в какой-либо интеграции в рамках постсоветского пространства, опасаясь лишиться власти и влияния» [1]. Соответственно, участие в каких-либо интеграционных проектах рассматривалось в контексте внутривнутриполитического процесса и вынужденной мерой, связанной с решением неотложных социально-экономических проблем.

Тем не менее, в первые годы после распада СССР, вопрос евразийской интеграции был достаточно популярен. Отдельные группы национальных элит использовали его в политических целях, рассчитывая

таким образом, вернуться во власть. Однако по мере становления политических и экономических систем стран постсоветского пространства интерес к евразийской интеграции в ряде новых независимых государств снизился. Набирал силу процесс распада социальных связей и производственных связей, формировалась прослойка населения, которая связывала будущее страны с формированием собственной политики. Происходило встраивание стран в энергетические цепочки внерегиональных стран.

Интерес к евразийской интеграции, различным интеграционным проектам вновь усилился к концу 90-х годов, по мере того как стала отчетливо проявляться конкуренция геополитических проектов, которые предлагали разные сценарии будущего развития стран постсоветского пространства. Часть государств – Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия – не поддерживали инициативы по созданию интеграционных объединений, выступая за ослабление экономических отношений с Россией и переориентацию внешнеэкономических связей на европейские страны и США, которые продвигали идеологию неолиберализма. Она не создавала новых условий для развития национальных экономик, не способствовала формированию равноправных отношений.

Другая группа государств – Россия, Белоруссия и Казахстан, часть государств Центральной Азии – были приверженцами экономической интеграции, усматривая в этом возможность для сохранения своей промышленности и реализацию планов по индустриализации. Потребность в экономическом взаимодействии определялась задачами сохранения промышленного потенциала, который был создан в период Советского Союза и необходимостью решения текущих социально-экономических проблем.

Эти два подхода определяли различные, зачастую диаметрально противоположные подходы стран постсоветского пространства к интеграции и оценке перспектив их будущих взаимоотношений.

Неготовность к взаимодействию в рамках интеграционных объединений, внутривосточная борьба и экономическое падение оказали негативное влияние на последующее развитие стран постсоветского пространства, которые оказались вовлечены в сферу интересов западных государств. Последние в сжатые сроки и весьма точно определили историческое место каждой из бывших советских республик в мировых процессах. Тем более, что бывшие союзные республики изначально проигрывали развитым странам, поскольку не обладали необходимым политическим весом, экономическим потенциалом и опытом проведения самостоятельной внутренней и внешней политики. В то же время внешняя политика западных стран в отношении бывших советских республик носила избирательный характер и была нацелена на решение четко очерченных задач, которые практически не изменились за четверть века. Среди них следует выделить: снижение уровня отношений России с новыми независимыми государствами, корректировка внешней политики стран постсоветского пространства в сторону их следования в русле интересов западных стран, снижение роли России в сфере добычи и транспортировки углеводородных ресурсов из Каспийского региона и стран Центральной Азии [2].

НАЧАЛО ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Несмотря на противодействие со стороны западных государств и настороженное отношение к интеграционным проектам элит постсоветских государств,

Россия настойчиво продвигала идеи восстановления торгово-экономических отношений. С 1995 года действовал Таможенный союз, созданный Россией, Беларуссией и Казахстаном. В 1996 году к нему присоединилась Киргизия, а в 1999 году – Таджикистан. Страны, участвующие в Таможенном союзе, пошли на отмену тарифных и количественных ограничений во взаимной торговле стран-участниц, согласовали импортные таможенные тарифы. В том же году Россия, Беларуссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан подписали договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, что предусматривало создание единого экономического пространства [3].

Трудности с реализацией интеграционных проектов не уменьшили решимости России, Казахстана и Беларуссии искать пути для налаживания взаимодействия в многостороннем формате. В октябре 2000 года Россия, Беларуссия, Казахстан, Таджикистан и Киргизия подписали Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Договор предусматривал дальнейшее формирование Единого экономического пространства и преобразование Таможенного союза в международную экономическую организацию. Однако данные инициативы, предполагающие дальнейшую координацию внешней и внутренней политики между странами, их тесное взаимодействие по широкому кругу проблем не были реализованы. Страны постсоветского пространства оказались не готовы передать часть своего суверенитета и поделиться полномочиями, предпочтя выстраивать отношения на двусторонней основе при решении политических и экономических вопросов. По этой причине, несмотря на неоднократные заверения глав государств региона

об общности исторических, культурных, языковых и этноконфессиональных факторов [4], политические и экономические противоречия между странами постсоветского пространства преодолеть не удалось, а интеграция в транспортной и финансовой сфере по-прежнему отставала от запланированных сроков. Более того, страны постсоветского пространства постепенно расширяли торгово-экономическое сотрудничество с западными странами и Китаем, что приводило к уменьшению доли России.

Тем не менее, оценки геополитической роли России, ее положения в мире стали появляться на рубеже XX–XXI веков. В концепции внешней политики РФ 2000 года отмечалось, что Россия является «крупнейшей евразийской державой...». Подобные оценки и тем более политика России противоречили стратегии Запада. Интересам западных стран отвечала дезинтеграция постсоветского пространства, дальнейшее падение экономического производства, а также открытие товарных рынков для крупного капитала зарубежных стран. Кроме того, они выступали за укрепление власти тех политических элит, которые проводили курс на укрепление независимости от России, которая с момента распада СССР находилась в фокусе внимания США и ЕС.

В конце первого десятилетия XXI века наметилась тенденция, когда основные интеграционные идеи обсуждались в трехстороннем формате – Россией, Беларуссией и Казахстаном. В октябре 2007 года Россия, Беларуссия и Казахстан создали Таможенный союз, подписав Договор о создании единой таможенной территории. Был образован Наднациональный орган – комиссия Таможенного союза. Тем самым, в Договоре был заложен важнейший принцип – частичная передача Комиссии части полномочий государственных

органов стран-участников Таможенного союза. В концепции внешней политики РФ 2008 года вновь можно увидеть положение, которым Россия определялась «как крупнейшая евразийская держава». И далее делался вывод о необходимости сотрудничества в рамках Евразийского экономического сообщества.

В ноябре 2009 года Россия, Беларуссия и Казахстан подписали документы о создании с 2010 года Таможенного союза, а в декабре того же года был разработан План действий по формированию Единого экономического пространства. С января 2010 года был введен Единый Таможенный тариф и в июне того же года был принят Таможенный кодекс Таможенного союза. В итоге был снят таможенный контроль на российско-белорусской границе, а в 2011 году на российско-казахстанской границе.

НА ПУТИ К ЕВРАЗИЙСКОМУ СОЮЗУ

Вопросы экономической интеграции, консолидации евразийского пространства в последние годы находились в фокусе внимания России, Казахстана и Беларуссии, которые уделяли этому вопросу повышенное внимание. Так в октябре 2011 года В. Путин, занимавший в тот период времени должность премьер-министра, опубликовал статью, посвященную созданию Евразийского экономического союза. В ней он определил значение евразийской интеграции в российской политике и важность данных шагов для России в контексте взаимодействия с западными государствами. «Экономически логичная и сбалансированная система партнерства Евразийского союза и ЕС способна создать реальные условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента и имела бы несомненный позитивный глобальный эффект» [5].

В ноябре 2011 года три страны подписали декларацию «О евразийской экономической интеграции», в которой провозглашалась задача к 2015 году создать Евразийский экономический союз (ЕАЭС). «Новый интеграционный проект» важен для России, её союзников и равно опасен для её противников как возможность противостоять напору атлантизма, отстоять самобытность своей культуры, обеспечить национальную безопасность во всех её аспектах. В современных условиях ни Россия, ни другие страны постсоветского пространства выжить в одиночку не смогут. Однако именно Россия, являясь одним из геополитических центров Евразии, обладающая самыми мощными в постсоветской ойкумене экономическими, военными и политическими ресурсами, может и должна стать отправной точкой возникновения новой архитектуры мира»¹.

В феврале 2012 года начала работать Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), а в мае был одобрен план работы по подготовке проекта Договора об ЕАЭС. Затем, в 2012-2014 годах Россия, Белоруссия и Казахстан заключили дополнительные соглашения, направленные на развитие Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Несмотря на проблемы и противоречия, странам удалось достичь определенных успехов. Прежде всего, наработать законодательную базу, устранить принципиальные расхождения в торгово-экономических вопросах. Этому способствовал тот фактор, что по сравнению с другими государствами постсоветского пространства, экономические и политические отношения между этими

странами отличались наибольшей глубиной и интенсивностью [6]. Об этом заявил Н. Назарбаев, выступая на X Форуме межрегионального сотрудничества Казахстана и России в Екатеринбурге в ноябре 2013 года. Президент Казахстана подчеркнул, что «в постсоветском пространстве Казахстан и Россия больше всего сделали для сохранения отношений между экономическими нашими стран» [7].

Проблема евразийской интеграции нашла свое отражение в официальных документах трех стран. В концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом РФ 12 февраля 2013 года. В ней говорится, что Россия считает приоритетной задачу формирования Евразийского экономического союза...».

Схожие документы были приняты в других странах-участниках ЕАЭС. В январе 2014 года президент Казахстана своим указом утвердил Концепцию внешней политики республики Казахстан на 2014-2020 годы. К одному из основных приоритетов внешней политики Казахстана относилось сотрудничество с Россией, выступающей в качестве стратегического партнера как на двусторонней основе, так и в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [8]. Как отмечал министр иностранных дел Казахстана Ерлан Идрисов, в новой концепции все базовые принципы, такие как многовекторность и сбалансированность сохранили свое краеугольное значение [9].

В официальных документах Белоруссии проблема интеграции со странами постсоветского пространства также стояла на одном из первых мест. Об этом говорилось в Национальной стратегии

¹ Пономарева Е.Г. Евразийский проект versus «новый мировой порядок». 7 октября 2011. https://mgimo.ru/about/news/experts/211685/?ysclid=m5tn9p1x2z500850955&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 25.08.2024)

устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года, принятой в мае 2004 года. В качестве приоритета в документе отмечено «углубление сотрудничества с интеграционными объединениями стран Содружества независимых государств в рамках Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации, Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС). Подобные задачи нашли отражение в концепции национальной безопасности, утвержденной в ноябре 2010 года.

В последнее десятилетие все отчетливее проявлялась тенденция к регионализации постсоветского пространства. Проект Евразийского экономического союза, реализуемый Россией, Беларуссией, Казахстаном, Арменией и Киргизией направлен на усиление взаимодействия стран постсоветского пространства. Другие государства занимают либо нейтральную позицию, поддерживая с Россией торгово-экономические и политические отношения, либо ориентируются на расширение сотрудничества с внерегиональными государствами. Эти факторы свидетельствуют о дальнейшей регионализации и дефрагментации постсоветского пространства. Спустя десятилетие после распада СССР, современное геополитическое и экономическое пространство постсоветских стран отличало сложное переплетение противоречий.

Во втором десятилетии XXI века под влиянием формирования новых экономических связей, усиливающегося влияния внерегиональных государств и отсутствия прогресса в реализации интеграционных проектов, бывшие республики расходились все дальше друг от друга.

Проблемы налаживания взаимодействия на новой основе, исходя из национальных интересов, всегда стояли

перед странами постсоветского пространства. В силу внутривнутриполитического развития и потребностей в сохранении имеющегося экономического потенциала, наибольшее внимание к сотрудничеству в рамках постсоветского пространства уделяли Россия, Беларуссия и Казахстан. На протяжении двадцати последних лет эти страны составляют «ядро» интеграционных организаций, выступая последовательными сторонниками расширения торгово-экономического взаимодействия.

В результате сближения позиций по вопросу создания многосторонней модели сотрудничества Россия, Казахстан и Беларуссия 29 мая 2014 года подписали договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Евразийский экономический союз является международной организацией региональной экономической интеграции. В статье 4 Договора цели организации определены следующим образом: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [10].

Были образованы руководящие органы ЕАЭС (Высший Евразийский экономический совет и Евразийский межправительственный совет), Евразийская экономическая комиссия и Суд Евразийского экономического союза, которые по своей сути являются наднациональными. Так, Евразийская экономическая комиссия – постоянно действующий орган, который осуществляет правовое регулирование евразийской экономической интеграции и наделен наднациональными полномочиями – издавать решения для государств-членов

ЕАЭС [11]. Однако пока страны не достигли такого уровня, когда можно говорить о реально действующих наднациональных органах. Процесс согласования многих вопросов, прежде всего, касающихся углеводородных ресурсов, финансовой и денежной сфер, предполагается решать в течение длительного времени [12].

Создание ЕАЭС проходило на фоне негативных процессов в экономике стран-участниц ЕАЭС. Доминирующими негативными факторами в 2014 году в экономиках стран Таможенного союза/Единого экономического пространства являлось замедление темпов экономического роста, неопределенность, нестабильность [13]. Несмотря на это, Россия, Белоруссия и Казахстан не отказались от интеграционного проекта.

В концепции внешней политики РФ 2016 года поставлена задача ориентации страны на евразийское пространство. Прежде всего, речь идет о Евразийском экономическом союзе. В документе в качестве ключевой задачи провозглашено «углубление и расширение интеграции в рамках ЕАЭС». Таким образом, евразийская интеграция и задачи, связанные с ее осуществлением, находили свое отражение в основополагающих внешнеполитических документах.

ОБОСТРЕНИЕ СОПЕРНИЧЕСТВА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В последнее десятилетие можно выделить два периода в российской политике на евразийском пространстве. Первый начался в 2014 году, после вхождения Крыма в состав России. Это событие послужило формальным поводом для начала масштабной антироссийской кампании Запада, который в целом не устраивала политика России по отстаиванию своих позиций. Кроме того, на фоне ухудшения отношений с Западом, Россия последовательно

расширяла отношения с евразийскими государствами. Итогом этого стало расширение сотрудничества с евразийскими государствами. В сентябре 2014 г. лидеры России и Китая поддержали инициативу Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа о создании трёхстороннего механизма сотрудничества на высшем уровне. В рамках заседания Совета глав государств ШОС прошла первая встреча лидеров трёх стран в этом формате, по итогам которой был создан механизм консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел. Начиная с 2014 г. понятие «треугольник Россия - Китай - Монголия» получила более широкое распространение в международном дискурсе.

Кардинальные изменения в политике России на евразийском пространстве были вызваны изменениями в мире. Западные страны столкнулись со значительными проблемами экономического порядка, что подталкивало их к усилению давления на другие государства. Период первого десятилетия XXI века стал поиском путей разрешения противоречий. Примером можно считать формирование БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) в 2009 году на фоне финансово-экономического кризиса 2008 года в США, долгового кризиса 2010 года в ЕС.

Идея евразийской интеграции в значительной степени была продиктована геополитическими задачами, которые стояли перед Россией. Обострение отношений с Западом, который стал проводить агрессивную политику в отношении государств постсоветского пространства усилили интерес России к расширению сотрудничества с бывшими республиками, а с другой стороны – с евразийскими государствами. Подписание в 2014 году договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) стало отражением усиления

соперничества между западными странами, которые продвигали неоколониальные практики в мировой политике и экономике и незападными государствами. Для России сотрудничество с евразийскими странами открывало новые геополитические и экономические возможности.

Закономерным шагом России стало выдвижение инициативы Большого евразийского партнерства. Она была предложена 3 декабря 2015 года в Послании В.В. Путина Федеральному Собранию². Данная инициатива обсуждалась в последующие годы и стала отражением фундаментальных изменений, происходящих в мировой политике. Резко возросшее давление со стороны Запада, игнорирование российских интересов усилило поиск новых форматов взаимодействия и активизировало концептуализацию идеологических основ российской политики. При этом концепция «Большого евразийского партнерства» «исходила из того, что первые шаги должны были быть сделаны не в политической или в военной сферах, а в архитектуре экономики Евразийского континента»³.

Конфликт на Украине 2022 года подвел черту под конкуренцией геополитических проектов. Продвижение США и ЕС неолиберальной экономики и политики, в основе которой должны находиться демократические ценности, не дало своих результатов в отношении ключевого государства – России. Подобная ситуация подтолкнула Запад к более решительным шагам в отношении России, которая в свою очередь, с создания ЕАЭС фактически продвигала альтернативную повестку, связанную с формированием

равноправных отношений в мировой политике и экономике.

Разворачивающийся с 2022 года процесс сближения России, Китая, Монголии и Индии имеет под собой экономические причины. Пекин, Улан-Батор и Дели, несмотря на тесные отношения с США и ЕС, учитывают ситуацию, которая развивается в последние годы между Россией и Западом. При этом в расчет берется не только вопрос получения экономических преференций, связанный с новой логистикой поставок российских углеводородных ресурсов и других товаров, но и геополитические аспекты. Для евразийских государств очевидно, что поражение России откроет дорогу Западу для дальнейшего наступления в Евразии. Тем более, что США и ЕС в последние годы и так предпринимают значительные усилия, направленные на то, чтобы повлиять на внешнеполитический курс Китая, Индии и Монголии.

Для Запада Украина выступает в качестве инструмента долгосрочной политики. США, при поддержке ЕС, развязали военные действия в отношении России для дальнейшего реформирования евразийского пространства. Глобальные усилия западных государств направлены на ослабление наиболее крупных, неевропейских экономик, снижение их геополитического веса и экономических возможностей.

НОВАЯ РАССТАНОВКА СИЛ

Приход к власти Д. Трампа скорректирует конфигурацию сил в мировой политике. Так, новый американский президент, еще до вступления в должность в январе 2025 года, сделал ряд громких заявлений

² Петровский В. На пути к Большому евразийскому партнерству: вызовы и возможности. 23 июня 2017. <https://interaffairs.ru/news/show/17811?ysclid=m5scbkl7rs217440764> (дата обращения: 15.08.2024)

³ Кортуню А. Восемь принципов Большого евразийского партнерства. 25 сентября 2020. <https://russiancouncil.ru/analitics-and-comments/analitics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (дата обращения: 15.08.2024)

о присоединении к США Гренландии, Мексики, Канады. За эпатажными тезисами скрываются подход нового главы США, который намерен проводить активную и агрессивную внешнюю политику, направленную на укрепление внешнеполитических позиций в мире. За данными планами, экстравагантными лишь на первый взгляд, скрываются планы по укреплению геэкономического влияния в мире. В Гренландии сосредоточены значительные запасы природных ресурсов, в частности, значительные месторождения редкоземельных металлов. Близость к Арктическому региону даст США дополнительные возможности для продвижения своих интересов в этом стратегически важном регионе мира. В отношении Мексики и Канады прослеживаются те же задачи – доступ к месторождениям природных ресурсов и укрепления своего доминирования в мире. Возможно, что реализация планов Д. Трампа будет трансформирована и реализация будет происходить в правовых рамках. Однако, подход нового президента в международных делах прослеживается более чем четко – сохранить доминирование в мировой политике, взяв на себя роль единственного гаранта в новой архитектуре международной безопасности.

Соответственно, евразийское пространство, на котором находятся такие «партнеры-конкуренты» как Китай и Россия неизбежно окажутся в фокусе внимания американской политики. В отношении Пекина США и в целом западные государства будут реализовывать политику давления, рассчитывая ослаблять китайскую экономику. Подобная политика будет реализовываться на фоне сохраняющейся экономической зависимости Китая и США. Так, торговый оборот между двумя странами в 2024 году составил

688 млрд. долларов (товарооборот между ЕС и Китаем в тот же период составил 785,8 млрд. долл.).

Для России новая политика США не принесет кардинальных изменений. Вашингтону удалось геополитически и экономически ослабить ЕС. Подобных результатов американская администрация будет добиваться на российском направлении. В 2025 году США не откажутся от поддержки украинского режима, по-прежнему рассчитывая нанести России экономической урон. Военная поддержка Киева также продолжится, поскольку любые мирные переговоры в версии Запада должны привести к ослаблению России, снижению ее геополитического влияния и созданию на ее границах буфера «зоны нестабильности», в виде Украины или иных государственных образований, сформированных на территории нынешнего украинского государства. В этой связи, наиболее вероятным выглядит сценарий затяжного конфликта, в ходе которого Запад, и в частности, США, продолжат оказывать поддержку киевскому режиму.

В этом контексте, для России приоритетными задачами будет выступать развитие евразийского пространства, прежде всего, укрепление позиций ЕАЭС. В значительной мере, успех развития евразийского интеграционного проекта будет зависеть от динамики отношений России с основными внешнеэкономическими и внешнеполитическими партнерами. Успешное развитие интеграции в рамках ЕАЭС возможно в случае преодоления странами-участниками внутренних разногласий, усиления координации внешнеэкономической деятельности и перехода к реализации совместных действий во внешней политике. Реализация данного сценария исходит из того, что страны, входящие

в ЕАЭС, только в этом случае смогут преодолеть давление со стороны США и ЕС. Кроме этого, развитие ситуации в соответствии с данным сценарием приведет к усилению внешнеполитических позиций России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие ЕАЭС является приоритетом российской внешней политики. Формирование новых отношений с евразийскими государствами является необходимым условием преодоления давления со стороны Запада, снизит негативное влияние «санитарных коридоров», которые Запад пытается создать для ограничения политических и экономических возможностей России.

Перспективы евразийской интеграции связаны с внутривосточным развитием стран-участников Евразийского экономического союза, а также с их способностями и возможностями согласовать

национальные интересы. Очевидно, что преимущества от интеграционных процессов не могут быть получены мгновенно. Создание ЕАЭС открывает возможности для стабилизации экономической ситуации в странах, участвующих в евразийской интеграции.

Россия выступает за формирование широкой коалиции евразийских государств, способных дать отпор натиску Запада. В значительной мере данные усилия носят вынужденный характер. В итоге, в ответ на глобальные устремления Запада, Россия продолжала фокусировать свое внимание на евразийском направлении. Согласно «Концепции внешней политики РФ» от 31 марта 2023 г., «создание зон развития и экономических коридоров в Евразии, в том числе экономического коридора «Россия – Монголия – Китай»», способствует достижению цели «преобразования Евразии в единое общеконтинентальное пространство мира, стабильности,

ЛИТЕРАТУРА:

1. Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Москва: РГГУ; 1997. С. 65.
2. Жильцов С.С., Воробьев В.П., Шутов А.Д. Эволюция политики России на постсоветском пространстве. Москва: Восток-Запад; 2010. 168 с.
3. Меликян Д. Армения и Евразийский союз: от сотрудничества до интеграции. Ереван: 2015. С. 4.
4. Султанов Б.К. Концепция внешней политики Казахстана и евразийская экономическая интеграция / Евразийский экономический союз: от идеи к реализации (к 20-летию выступления Президента РК Н.А. Назарбаева в МГУ им. М.В. Ломоносова). Материалы международной конференции (г. Алматы, 18 марта 2014 г.). Алматы: КИСИ при Президенте РК; 2014. С. 81
5. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. *Известия*. 2011. 5 октября.
6. Жильцов С.С. Постсоветское пространство: тенденции развития. Москва: Эдель-М; 2001. 199 с.
7. Казахстанский путь – 2050. Книга 3. Последовательная и предсказуемая внешняя

⁴ Пономарева Е.Г. Евразийский проект versus «новый мировой порядок». 7 октября 2011. https://mgimo.ru/about/news/experts/211685/?ysclid=m5tn9p1x2z500850955&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 25.08.2024)

- политика. Коллективная монография / Под общ. ред. Б.К. Султанова. Алматы: КИСИ при Президенте РК; 2014. С. 131.
8. Неймарк М.А. Новые вызовы XXI века – ответ России /XXI век: перекрестки мировой политики. Отв. ред. М.А. Неймарк. Москва: Канон+; 2014. 424 с.
 9. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы и задачи ее реализации. Материалы круглого стола / Отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан; 2014. С. 13.
 10. Договор о Евразийском экономическом союзе. Москва: 2014. 680 с.
 11. Бекашев К.А., Бекашев Д.К., Кашкин С.Ю., Моисеев Е.Г., Сулейманов Т.В. Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза. Москва: Проспект; 2015. С. 50.
 12. Зиядуллаев Н.С. Формирование евразийского экономического союза: риски и шансы в период турбулентности. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2015;5:3-18.
 13. Кузьмина Е.М. Евразийский экономический союз: испытание кризисом. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015;1:5-16

REFERENCES:

1. Toshchenko Zh. T. Post-Soviet space: sovereignty and integration. Moscow: RGGU; 1997. P. 65. (In Russ.)
2. Zhiltsov S. S., Vorobyov V. P., Shutov A. D. Evolution of Russia's policy in the post-Soviet space. Moscow: Vostok-Zapad; 2010. 168 p. (In Russ.)
3. Melikyan D. Armenia and the Eurasian Union: from cooperation to integration. Yerevan: 2015. P. 4. (In Russ.)
4. Sultanov B.K. Foreign Policy Concept of Kazakhstan and Eurasian Economic Integration / Eurasian Economic Union: from idea to implementation (on the 20th anniversary of the speech of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev at the Lomonosov Moscow State University). Proceedings of the international conference (Almaty, March 18, 2014). Almaty: KISI under the President of the Republic of Kazakhstan; 2014. P. 81 (In Russ.)
5. Putin V.V. New integration project for Eurasia – the future that is being born today. *Izvestia*. 2011. October 5. (In Russ.)
6. Zhiltsov S.S. Post-Soviet space: development trends. Moscow: Edel-M; 2001. 199 p. (In Russ.)
7. Kazakhstan's path – 2050. Book 3. Consistent and predictable foreign policy. Collective monograph / Under the general editorship of B.K. Sultanov. Almaty: KISI under the President of the Republic of Kazakhstan; 2014. P. 131. (In Russ.)
8. Neimark M.A. New challenges of the 21st century – Russia's response /21st century: crossroads of world politics. Responsible. editor M.A. Neimark. Moscow: Kanon+; 2014. 424 p. (In Russ.)
9. The Foreign Policy Concept of the Republic of Kazakhstan for 2014-2020 and the Tasks of its Implementation. Materials of the Round Table / Ed. B.K. Sultanov. Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan; 2014. P. 13. (In Russ.)
10. Treaty on the Eurasian Economic Union. Moscow: 2014. 680 p. (In Russ.)
11. Bekyashev K.A., Bekyashev D.K., Kashkin S.Yu., Moiseyev E.G., Suleimanov T.V. International Legal Framework for the Creation and Functioning of the Eurasian Economic Union. Moscow: Prospect; 2015. P. 50. (In Russ.)
12. Ziyadullaev N.S. Formation of the Eurasian Economic Union: Risks and Chances in a Period of Turbulence. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2015;5:3-18. (In Russ.)
13. Kuzmina E.M. Eurasian Economic Union: Tested by Crisis. *Post-Soviet Issues*. 2015;1:5-16 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
serg.serg56@mail.ru

Украинский кризис: истоки, последствия и перспективы

Марк А. Неймарк

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

mark.neimark@mail.ru

Аннотация: Интернационализация украинского кризиса и «украинизация» международной повестки обнажили глубинные цели и стратегические устремления Запада во главе с США в современной геополитике. Американская стратегическая претензия на организацию по собственному усмотрению мирового порядка и чрезмерная убежденность в своей переоцененной способности быть неизменным мировым гегемоном дают системный сбой. Его оборотная сторона – резкое усиление – через призму событий на Украине – конфронтационной риторики и политической, санкционно-экономической и военной-стратегической активности против России, которые достигли пиковых значений. Украинский кризис стал не только бифуркационной вехой в развитии мирополитических процессов, но и новой рубежной точкой отсчета в осмыслении и переосмыслении трансформационных сдвигов, размежеваний и обособлений в глобальной политике. Сегодня уже не единичны в западноцентричном дискурсе их непривычно острые критические оценки и выводы, которые подчеркнем, имеют тенденцию к количественному увеличению и более отчетливо выраженному, чем раньше, качественному контенту. Увеличивая тем самым степень прогнозно-оценочной выверенности профильной аналитической рефлексии, исходно предполагающей учет недооцененных или, наоборот, переоцененных факторов, обстоятельств и событийных потоков в мировой политике.

Ключевые слова: Украина, Россия, Запад, США, Евросоюз, перспективы нового мирового порядка

Для цитирования: Неймарк М.А. Украинский кризис: истоки, последствия и перспективы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(4):284–291. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-284-291>

Поступила 19.08.2024

Принята в печать 28.11.2024

Опубликована 30.12.2024

Ukrainian crisis: origins, consequences and prospects

Mark A. Neimark

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

mark.neimark@mail.ru

Abstract: The internationalization of the Ukrainian crisis and the “Ukrainization” of the international agenda have exposed the deep goals and strategic aspirations of the West, led by the United States, in modern geopolitics. The American strategic claim to organize the world order at its own discretion and the excessive conviction in its overestimated ability to be an unchanging world hegemon are causing a systemic failure. Its flip side is a sharp increase – through the prism of the events in Ukraine – in confrontational rhetoric and political, sanctions-economic and military-strategic activity against Russia, which have reached peak values. The Ukrainian crisis has become not only a bifurcation milestone in the development of world political processes, but also a new milestone in understanding and rethinking transformational shifts, divisions and isolations in global politics. Today, their unusually sharp critical assessments and conclusions are no longer isolated in the Western-centric discourse, which, we emphasize, have a tendency to increase in quantity and have a more clearly expressed qualitative content than before. Thus increasing the degree of predictive and evaluative accuracy of specialized analytical reflection, which initially assumes taking into account underestimated or, conversely, overestimated factors, circumstances and event flows in world politics.

Keywords: Ukraine, Russia, West, USA, EU, prospects of new world order

For citation: Neimark M.A. Ukrainian crisis: origins, consequences and prospects. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(4):284–291. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-284-291>

Received 19.08.2024

Revised 28.11.2024

Published 30.12.2024

ВВЕДЕНИЕ

Наглядным отражением новейших тенденций в западнцентричной рефлексии является опубликованная в Париже в 2024 г. книга эксперта-международника, специалиста по геополитическим стратегиям Ж. Огара «Война на Украине» с подзаголовком, разъясняющим его концептуально-методологический подход: «Критический взгляд на причины трагедии» [1].

В эпиграф книги вынесено изречение знаменитого французского мыслителя начала XX века Шарля Пегги, которое в современной кризисной геополитике, отмеченной накалом острейших противодействий и конфронтационной риторики, приобретает особую практико-политическую значимость: «Замалчивать правду – не означает ли это лгать? Кто не вопиёт правду,

когда знает, что это правда, тот становится соучастником лгунов и фальсификаторов».

В ПРОТИВОФАЗЕ ЗАПАДНОЦЕНТРИЧНОЙ ОРТОДОКСИИ

Оценки, суждения и размышления Ж. Огара имеют тем больший аналитический вес, что исходят от человека, который не только в силу своих должностных обязанностей, но и повышенного личного интереса к истории славян и русскому миру, издавна стремился проникнуть в суть их многовекового развития, и тех его особенностей, которые прямо или опосредованно, объективно или искаженно, постепенно и в «рваной» динамике привели к столь конфликтно-обостренной ситуации на Украине. Аналитический опыт автора обогатили многочисленные встречи

с представителями различных партийно-политических и идеологических ориентаций в ходе поездок, как он вспоминает, из Косово в Белград, из Белграда в Москву и оттуда, как это не странно выглядит сегодня, в Симферополь и Ялту. Его профильную рефлексию подпитывала, естественно, самая разнообразная информация из американских, натовских и российских источников, сравнительный анализ которой способствовал более углубленному осмыслению сложнейших, зачастую противоречивых тенденций и процессов, никак не вписывающихся в тенденциозные линейно-односторонние представления о них на Западе.

Ж. Огар исходит из того, что объективная оценка ситуации на Украине невозможна без понимания того, каким тяжелым грузом лежит на ней ее историческое прошлое и современная история. В подтверждение этой констатации он приводит книгу «Украина – фантом Европы» французского историка Ж. Бенуа-Мешена, который будучи страстным защитником Украины, тем не менее инициировал главный вопрос: «Украина – это химера или реальность?» И сам разъясняет, что конкретная история Украины содержит ценные элементы для понимания ее современного положения и состояния: она «фактически никогда не была независимым государством, разделенная между соседями».

Уже в предисловии своей книги он предостерегает читателя от односторонних антироссийских оценок причин возникновения и развития вооруженного конфликта на Украине, задавая риторические вопросы: разве это не ограниченный взгляд на события, не слишком ли упрощенный взгляд на реальность, не слишком ли легковесная оценка для успокоения собственной совести, и – в конечном счете – разве нет других ответственных за это, не говоря

уже о других, более глубинных, уходящих своими корнями в прошлое, первоисточков СВО: «Слишком часто сегодня эмоции и политическая конъюнктура без жесткой фильтрации реальной информации о происходящем на Украине берут верх над рациональным восприятием событий без учета их корневых особенностей».

Он считает, что его опыт участия в урегулировании конфликта в Руанде, в военной операции НАТО в Косово, а также многолетняя работа в области стратегической аналитики, геополитики и дипломатии позволяют ему вникнуть в природу украинского конфликта и осмыслить его особенности «значительно иначе, чем это делает подавляющее большинство американских и европейских наблюдателей и комментаторов». Целевая установка автора: «дать честный, объективный и обоснованный ответ на поставленные вопросы» [1:8-10].

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ США НА УКРАИНЕ

Автор исходит из того, что Украина на протяжении всей ее бурной истории никогда не была подлинно независимым государством. После распада СССР США и Евросоюз стали проводить политику, направленную на отрыв Украины от России и внедрение западных ценностей в украинское общество и его институты. «Именно вмешательство Запада во внутренние дела Украины, т.е. нарастающее продвижение западноцентричности в ее структуры особенно с 2014 года, стало глубинной причиной нынешнего конфликта». Ключевой особенностью его последующего кризисного развития прямо названа «вассализация Украины англо-саксами» [1:81-84].

Стремясь восстановить историческую правду, он конкретизирует главные стратегические цели США, связанные с распадом СССР: продвигать НАТО

и интегрированную Европу на Восток и это несмотря на устные заверения американских лидеров М.С. Горбачеву не совершать подобные действия; препятствовать сближению Западной Европы с Россией, чтобы не допустить формирования «большой Европы от Атлантики до Урала»; заставить ЕС расширяться за счет стран Центральной и Восточной Европы, ранее входивших в сферу влияния СССР; удерживать европейскую оборону в прямой зависимости от США через НАТО – «настолько они рассчитывают на североатлантический альянс для сохранения господствующего влияния на Европу и весь мир». И все это фокусирует через призму возникновения, кризисного развития современного конфликта на Украине и его интернационализации: «Часто забывают, что все это реально началось с “оранжевой революции” 2004 года» [1:19].

Вся профессиональная деятельность автора и особенно, как он подчеркивает, в Руанде и Косово, убеждает его в том, что США, несмотря на нимб всех добродетелей, защитников прав человека и универсальной демократии, в реальности борются целенаправленно и цинично только за свои интересы, будь то экономические, политические, геополитические, стратегические. Война на Украине была неизбежной, поскольку была желаемой, даже планируемой стратегиями Белого дома, Пентагона и секретных служб США с момента падения Берлинской стены – предвестником распада СССР двумя годами позже. Поражение «оранжевой революции» на Украине в 2004 г. было восполнено успехом антигосударственного переворота 2014 г. [1:185-186]

Именно в этот период, по оценке автора, складывались базовые предпосылки для обострения современной конфликтно-кризисной ситуации на Украине.

Именно тогда со всей убедительной наглядностью и откровенностью обозначился системный настрой США и интегрированной Европы окончательно оторвать Украину от России и взять украинскую экономику под свой контроль, используя в максимальной степени тактику и стратегию «дерусификации» страны и раскола Русской православной церкви. Идейной скрепой для реализации такой политики послужил украинский ультра национализм, воплощенный в заветах и лозунгах Степана Бандеры – сына священника униатской греко-католической церкви, создавшего Украинский легион для совместной с нацистской Германией борьбы против Красной армии. «Память Бандеры сегодня в особом почете у режима В. Зеленского» [1:21].

В книге прослеживается в системном охвате хронология событий на Украине в последующее десятилетие, прямо инспирированных США, которые подтверждаются конкретными фактами. Выделяется особая роль заместителя госсекретаря США, авторского отношение к которой откровенно выражено в определении: «некая» Виктория Нуланд, «пассионария», ставшая с тех пор хорошо известной. Вопреки своему дипломатическому статусу она своим прямым публичным участием в антиправительственных – прозападных – демонстрациях продемонстрировала «явное вмешательство во внутренние дела Украины», причем «ее поддержка заговорщикам Майдана получила продолжение в последующие годы». Как, впрочем, и действия американского сенатора Джона Маккейна, специально прилетевшего в Киев для усиления активности таких неонацистских организаций, как Азов, Национальный корпус, Айдар, Правый сектор¹, выступающих против власти, которую «они хотели свергнуть, так как считали слишком

¹ Деятельность данных организаций запрещена на территории РФ.

благожелательно настроенной по отношению к России» [1:24–25].

В подтверждение первостепенной роли, которую сыграли США в организации «путча на Майдане», автор приводит публичные заявления самой В. Нуланд, а также свидетельство компании Би-Би-Си, раскрывшей содержание ее телефонного разговора с американским послом на Украине Ж. Пиатом, в ходе которого обсуждались кандидатуры членов будущего украинского правительства.

США, по мнению автора, добились на Украине только одной стратегической цели, пагубной для интегрированной Европы: отрезать от нее Россию и усилить ее подчиненность американского диктату. Но они «очень серьезно просчитались», воплощая в жизнь кошмар, которого так опасался Г. Киссинджер: подтолкнуть тем самым Россию в объятия Китая, что фактически означает создание их крепкого союза, важность которого подкрепляется возрастанием значимости БРИКС, где они играют первостепенную роль [1:148].

УКРАИНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАМЫСЛАХ НАТО

Оценочная позиция автора по отношению к НАТО выражена через украинскую призму с предельной точностью и определенностью: «Гарантия мира и безопасности в Европе может быть обеспечена только устранением НАТО с европейского континента и ее заменой сугубо европейской организацией, компетентной в области обороны и безопасности, выстроенной с учетом создания нового конфедеративного устройства интегрированной Европы». Также как Евросоюз в его нынешнем виде, так и НАТО, должны прекратить свое существование. Брекзит показал, что у ЕС нет будущего и он «обречен рано или поздно уступить новой форме

европейской организации, более гибкой, менее авторитарной и технократической, уважающей интересы стран, ее образующих, их суверенитет и идентичность», причем, как подчеркивается, «естественно, с вхождением в нее России» [1:37–38].

Весьма символично озаглавлен целый раздел книги, профильно посвященный Североатлантическому альянсу: «Проигранная НАТО война против России и ее последствия». Суммируя критическую реакцию западных экспертов и масс-медиа на развитие событий на Украине и вокруг нее и – главное – их отражение на положение дел в России, Ж. Огар подчеркивает то абсолютно неожиданное для американоцентричного Запада, что показало реальные возможности, потенциал и возросший геополитический статус России: устойчивость экономики, искусство обходить западные санкции, фиаско попыток изолировать Россию на международной арене, провал контр-наступления Украины [1:136].

Для НАТО «назначенным» врагом является Россия и главная цель альянса соответственно – минимизировать и свести на нет ее влияние в Европе и в мире в целом. Расширение североатлантического альянса на Восток нашло конкретное выражение, в частности, в том, что общая граница России и новых стран-членов составила: с Норвегией (еще раньше, с 1949 г.) – 200 км; с Эстонией – 320 км; Латвией – 270 км; Литвой – 270 км; и Польшей – 200 км, имея ввиду с Калининградом. Столь откровенное приближение военных структур НАТО к границам России и «объясняют ее известную реакцию в прошлом, настоящем и будущем» – настолько в современных условиях понятна одна из основных целей НАТО на Украине: «расколоть континентальную Европу и изолировать Россию» [1:115, 125].

Автор обескуражен тем, что в Евросоюзе так и не осознали суть массированных манипулятивных акций НАТО на Украине для его ослабления в стратегических интересах американского доминирования. «Совокупный Запад, США и НАТО несут за это огромную ответственность» [1:130–131].

Запрет русского языка стал, по оценке автора, «подлинным casus belli для русскоговорящего населения восточных регионов Украины». Подписание такого декрета В. Зеленским в 2022 г. было подготовлено «его быстрым и очень опасным сближением с наиболее экстремистскими националистическими кругами страны, которых можно считать неонацистскими, поскольку они официально придерживаются идеологии и романтики гитлеровской Германии». Именно они сыграли определяющую роль в радикальном изменении его политики после избрания президентом. Автор солидаризируется с выводом швейцарского парламентария Ги Меттана, который в своем анализе украинской ситуации расставляет социально-психологические точки над і: «Проблема Украины в том, что ее президент, независимо от того, хотел он этого или нет, уступил власть экстремистам во внутренней политике и военным НАТО на внешнем контуре, ради удовольствия видеть обожание толпы в разных странах мира» [1:45].

НОВЫЕ РЕАЛЬНОСТИ В ПРОЕКЦИИ ПЕРСПЕКТИВ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

В. Зеленский охарактеризован в книге как деятель, своими собственными действиями приведший страну и ее народ к столь трагическим последствиям. Выиграв с огромным преимуществом президентские выборы на волне обещаний победить коррупцию, наладить отношения между

восточной и западной частями Украины, ускорить развитие страны, он «сделал прямо противоположное обещанному»: коррупция, особенно в его окружении, процветает в еще большей степени; полный провал с ситуацией на Донбассе; развитие страны приобрело драматичный характер. В результате Украина выйдет из конфликта «обнищавшей, беспрецедентно зависимой от западных стран», которым перейдут, в частности, наиболее плодородные черноземные земли. Что касается будущего самого В. Зеленского, то оно становится все более неопределенным. Вся динамика изменений в стране оценивается для него как «холодный душ». Автор констатирует растущие сомнения общественного мнения на Западе в обоснованности «бездонной финансовой дыры», которую являет собой Украина [1:145–147].

Опираясь на свой профессиональный опыт и широкие знания профильной проблематики, Ж. Огар считает, что Украина, разделенная между русским миром и Западной Европой, после такой братоубийственной войны не может существовать как целостное государство. Он не видит иного выхода из сложившейся ситуации, как «пересмотр искусственных границ, унаследованных от административно-территориального деления СССР» [1:152].

Автор предупреждает об опасности скороспелых выводов об отдаленных последствиях войны на Украине, подчеркивая необходимость рассматривать их в укрупненном геополитическом формате, охватывающем кризисные трансформации мирового порядка, проблемы мира и безопасности, процесса размывания американской гегемонии, неопределенные перспективы Евросоюза, НАТО и даже будущее ООН и других наиболее важных международных организаций. «Но уже сегодня очевидно, что эта война означает

фундаментальный разворот к перебалансировке более или менее устоявшегося равновесия сил после 1945 года» [1:183].

Переход от войны к миру возможен только после прекращения прямой или опосредованной военной помощи Украине, которая лишь подпитывает конфликт и увеличивает масштабы гибели людей и материальных потерь. Принципиально важным и решающим условием достижения мира на Украине является ее «нейтралитет, официально объявленный и подтвержденный конкретными фактами». А если он не будет соблюдаться как фундаментальный принцип, то непременно наступит новый *casus belli*. В интересах всех, прежде всего Европы, не допускать использования Украины для приближения структур НАТО к границам России [1:184].

Ж. Огар призывает европейцев закончить эту трагическую войну, глубинные истоки которой нельзя больше игнорировать: «действовать предельно рационально и решительно для восстановления мира на европейском континенте, высвобождаясь от американской опеки и воздействия спаренной двойки НАТО-ЕС, для возобновления полноценного и откровенного диалога с Россией с целью создания системы европейской безопасности, отвечающей современным вызовам и угрозам» [1:189].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Размышления, концептуальные выкладки и практико-политические выводы Ж. Огара подтверждают все более четко оформляющуюся тенденцию в западно-центричной рефлексии относительно сути, истоков и последствий украинского кризиса и той знаковой роли, которую играют в его развитии страны, действующие в системе внешнеполитических координат и стратегических установок США.

Автор развивает, конкретизирует и дополняет исследования его концептуально-мировоззренческих единомышленников, чей критический анализ этого кризиса и в более общем геополитическом плане – его влияние на развитие мирополитических последствий, контрастно отличает от преобладающего западного профильного нарратива. Убедительное тому подтверждение – названия хотя бы нескольких книг западных политологов-международников, экспертов и даже известных политиков, опубликованных только в 2024 году. Среди них, в частности: «Поражение Запада» Э. Тодта [2], «Военное искусство России: как Запад привел Украину к поражению» Ж. Бо [3].

Сегодня, когда острота антироссийского конфронтационного дискурса достигла на Западе своего апогея, обозначенная тенденция приобретает геополитически знаковый характер.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Hogard J. La Guerre en Ukraine. Regard critique sur les causes d'une tragédie. Paris: Hugo Doc; 2024. 192 p.
2. Todd E. La défaite de l'Occident. Paris: Gallimard; 2024. 384 p.
3. Baud J. L'art de la guerre russe: Comment l'Occident a conduit l'Ukraine à l'échec. Paris: Max Milo; 2024. 366 p.

REFERENCES:

1. Hogard J. The War in Ukraine: A Critical Look at the Causes of a Tragedy. Paris: Hugo Doc; 2024. 192 p.
2. Todd E. The defeat of the West. Paris: Gallimard; 2024. 384 p.
3. Baud J. The Russian Art of War: How the West Failed Ukraine. Paris: Max Milo; 2024. 366 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марк А. Неймарк, Доктор исторических наук, Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neimark, Doctor of Science (History) Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
mark.neimark@mail.ru

Внешняя политика Ирана в Центральной Азии в период Эбрахима Раиси: перспективы участия в евразийских интеграционных процессах

Элиана А. Сатарова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

elyazibo@mail.ru

Аннотация: статья посвящена изменениям во внешней политике Ирана под руководством Эбрахима Раиси в отношении стран Центральной Азии. Основное внимание уделено его «восточной политике» и участию в евразийских интеграционных процессах. Страны Центральной Азии играют важную роль в стратегии Ирана в Евразии. С момента распада Советского Союза этот регион стал ареной борьбы за влияние между Россией, Китаем, США и другими державами. Иран, благодаря своему географическому положению и историческим связям с регионами, стремится стать одним из ключевых игроков в этом регионе. В статье выявлены изменения во внешнеполитическом курсе Ирана, прежде всего, в отношении евразийских государств. Выявлены новые направления внешней политики Ирана. Сделан вывод, что в условиях глобального перехода к многополярной системе международных отношений Иран позиционирует себя как будущий центр принятия решений. Его стратегическая роль в обеспечении безопасности региона, развитие транспортной инфраструктуры и вовлечённость в международные организации свидетельствуют о растущем влиянии страны в Евразии. Сделаны выводы о возможных направлениях внешней политики Ирана в Центральной Азии.

Ключевые слова: Иран, Центральная Азия, Евразия, Китай, США, Россия

Для цитирования: Сатарова Э.А. Внешняя политика Ирана в Центральной Азии в период Эбрахима Раиси: перспективы участия в евразийских интеграционных процессах. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(4):292–300. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-292-300>

Поступила 25.10.2024

Принята в печать 13.12.2024

Опубликована 30.12.2024

Iran's foreign policy in Central Asia under Ebrahim Raisi: prospects of participation in Eurasian integration

Eliana A. Satarova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

elyazibo@mail.ru

Abstract: the article is devoted to the changes in Iran's foreign policy regarding Central Asia under the presidency of Ebrahim Raisi. The main attention is paid to Tehran's "Eastern policy" and participation in Eurasian integration. The Central Asian countries play an important role in Iran's Eurasian strategy. Since the disintegration of the Soviet Union, this region has become an arena where Russia, China, the United States and other powers compete for influence. Iran, due to its geographical location and historical ties with the region, aims to become one of the key players in the area. The research reveals shifts in Tehran's foreign policy course, primarily in relation to the Eurasian states. New directions of Iran's diplomacy are highlighted. The article concludes that amid global transition to a multipolar system of international relations, Tehran positions itself as a future decision-making center. Its strategic role in ensuring the security of the region, the development of transport infrastructure and involvement in international organizations indicate the growing influence of the country in Eurasia. The research also gives assessments about the possible directions of Iran's foreign policy in Central Asia.

Keywords: Iran, Central Asia, Eurasia, China, USA, Russia

For citation: Satarova E.A. Iran's foreign policy in Central Asia under Ebrahim Raisi: prospects of participation in Eurasian integration. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(4):292–300. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-292-300>

Received 25.10.2024

Revised 13.12.2024

Published 30.12.2024

ВВЕДЕНИЕ

Смена политического руководства в Иране, ознаменованная приходом к власти Эбрахима Раиси (2021–2024 гг.), вызвала значительные изменения как во внутренней, так и во внешней политике страны. Если при президентстве Хасана Рухани (2013–2021 гг.) Иран ориентировался на Запад, пытаясь смягчить санкции и привлечь иностранные инвестиции, то с приходом к власти Раиси акценты сместились

в сторону укрепления отношений с восточными партнёрами – Россией, Китаем и странами Центральной Азии. Этот разворот к Востоку и активизация внешней политики в рамках евразийских интеграционных процессов является важной стратегической инициативой, направленной на минимизацию влияния санкций и укрепление роли Ирана на международной арене [1].

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЗАПАДА

Президентство Хасана Рухани, как известно, сопровождалось попытками нормализовать отношения с Западом, прежде всего через заключение Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2015 году, который предусматривал снятие санкций в обмен на ограничения в ядерной программе Ирана. Однако решение администрации Дональда Трампа о выходе США из СВПД в 2018 году фактически разрушило надежды Ирана на экономическую интеграцию с западным миром [2]. Консервативные силы Ирана использовали это как доказательство ненадёжности западных партнёров, что создало основу для более жёсткой внешнеполитической риторики и пересмотра стратегических приоритетов.

При этом Иран столкнулся с разными международными вызовами, включая продолжение санкционной политики Запада, нестабильную региональную ситуацию на Ближнем Востоке и необходимость развития внутренней экономики. В этой связи Иран стремился к диверсификации своих внешнеполитических связей, переориентировавшись на восточных партнёров, таких как Россия, Китай и страны Центральной Азии.

Этот стратегический шаг, который получил название «восточного разворота», был продиктован как экономическими, так и политическими соображениями. Иранский политический истеблишмент, особенно консервативные силы, рассматривает сотрудничество с восточными державами как способ не только обойти западные санкции, но и усилить влияние Ирана в Евразии, особенно в контексте роста таких организаций, как Шанхайская

организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС) [3].

После прихода Эбрахима Раиси к власти в 2021 году Иран переориентировался на более глубокое взаимодействие с восточными державами. Основное внимание стало уделяться укреплению связей с Китаем, Россией и странами Центральной Азии. Элементы «восточной политики» стали особенно заметны на фоне роста региональных интеграционных проектов, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), к которым Иран проявил активный интерес [4].

Следует также отметить институциональные возможности Ирана для реализации восточной своей внешней политики. Так, с 2005 года Иран являлся государством-наблюдателем в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и неоднократно подавал заявку на полноправное членство. После вступления в 2023 года в ШОС у Ирана появились новые возможности для обеспечения своей экономической безопасности и развития в регионе. Выступая 4 июля 2023 года на саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) президент Ирана Эбрахим Раиси заявил: «Мы полагаем, что полное членство в этой важной организации обеспечит Иран условиями для коллективной безопасности, возможностями для устойчивого развития экономики, для обеспечения суверенитета в большей степени, чем это было раньше»¹.

Важно отметить и активизацию Ирана во время президентства Э. Раиси в рамках Организации экономического сотрудничества (ОЭС) основанной в 1985 году в Тегеране

¹ Президент Ирана рассказал о преимуществах членства в ШОС. 04.07.2023. <https://ria.ru/20230704/iran-1882122580.html> (дата обращения: 23.07.2024)

лидерами Ирана, Турции и Пакистан для обсуждения путей улучшения развития и продвижения торговых и инвестиционных возможностей. Помимо Ирана как одного из основателей, в состав Организации в настоящее время входят Турция, Пакистан, Афганистан, Азербайджан и пять стран Центральной Азии.

Выступая 9 ноября 2023 года в Ташкенте на полях саммита Организации экономического сотрудничества (ОЭС) Президент Ирана Э. Раиси заявил: «Международная система и порядок сейчас меняются, происходит трансформация. Мы находимся в первых рядах этих изменений. Такие организации как ОЭС играют большую роль в развитии многостороннего сотрудничества между странами и очень важно уделять больше внимания использованию имеющегося потенциала»².

Таким образом Иран во внешней политике активизировал направление на развитие региональных связей, торговли, сотрудничества в области энергетики, транспорта, технологий и других сферах как между странами-членами ОЭС, так и ШОС. С момента создания ОЭС транспорт и связь являются одними из приоритетных направлений сотрудничества в рамках организации, и их значение возрастает с каждым днем.

14 ноября 2023 года в Тегеране иранская сторона на саммите стран-членов Организации экономического сотрудничества (ОЭС) заключила с пятью странами, Россией, Ираком, Сирией, Арменией и Туркменистаном, соглашения о транзитной торговле в рамках транспортного коридора «Север-Юг»³.

Повестка дня ОЭС включает реализацию проектов и программ по предоставлению доступа для стран-участниц к рынкам за пределами региона через существующую транспортную инфраструктуру. Связывание четырех регионов - Южной Азии, Персидского залива, Центральной Азии и Кавказа - является характерной чертой этой организации.

Предложение о соединении Индийского субконтинента с Европой через железнодорожную сеть Пакистана, Ирана и Турции обсуждалось на различных встречах ОЭС, и в этом направлении были предприняты важные шаги. Таким образом, сотрудничество между ОЭС и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), а также ШОС можно считать важной возможностью для восточного направления внешней политики Ирана.

Кроме того, центральная роль Ирана в Организации экономического сотрудничества (ОЭС) является важным экономическим инструментом для укрепления восточной стратегии. Как отмечает иранский специалист М. Синаи: «в экономическом плане ОЭС представляет собой значимое объединение с потенциалом для более активного участия» [5].

Некоторые иранские аналитики как М. Синаи и Ж. Карами, указывают на ряд других возможностей для Ирана, наиболее важными из которых являются: возможность установления тесных связей с влиятельными восточными игроками, использование экспорта энергоресурсов как стратегического товара и козыря Ирана, особенно в отношениях с Китаем, Индией и другими восточными странами,

² Иран на саммите ОЭС в Ташкенте призвал развивать региональные связи. 9.11.2023. <https://uz.sputniknews.ru/20231109/iran-sammit-oes-tashkent-razvitiye-regionalnyye-svyazi-40853021.html?ysclid=m2shvgbus424200123> (дата обращения: 07.07.2024)

³ Интервью министра дорог и городского развития Ирана Мехррад Базарпаша 14.11.2023. <https://1prime.ru/20231114/842262633.html?ysclid=m2si3jo024366094177> (дата обращения: 24.06.2024)

выгодное геополитическое и геоэкономическое положение Ирана в регионе и, следовательно, в мире; взаимозависимость стран и укрепление безопасности в новой эпохе [5].

РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Значение «восточного разворота» состоит не только в диверсификации экономических связей, но и в укреплении политических и военно-стратегических альянсов с ключевыми евразийскими игроками. Россия и Китай рассматриваются в Тегеране как важные партнёры в противостоянии западному доминированию, в то время как страны Центральной Азии играют важную роль в создании новых транспортных коридоров и расширении экономического сотрудничества.

Экономический потенциал Центральной Азии особенно привлекателен для Ирана. Например, Казахстан является одним из крупнейших производителей нефти и газа в мире, а Туркменистан обладает огромными запасами природного газа. Эти ресурсы имеют ключевое значение для Ирана, который стремится диверсифицировать свои торговые связи и преодолеть экономические трудности, вызванные западными санкциями.

Иран активно участвует в таких крупных проектах, как развитие международного транспортного коридора «Север — Юг», который позволит странам Центральной Азии экспортировать свою продукцию через иранские порты на юге, минуя традиционные маршруты через Европу и Суэцкий канал [6].

Развитие транспортных коридоров является одним из важнейших направлений сотрудничества между Ираном и Центральной Азией.

Международный транспортный коридор «Север — Юг» (INSTC) представляет

собой многомодальную сеть, соединяющую Индию, Иран, Центральную Азию, Россию и Европу. Этот проект имеет стратегическое значение не только для Ирана, но и для стран Центральной Азии, таких как Казахстан и Туркменистан, поскольку он предоставляет им возможность расширить свои торговые маршруты и получить доступ к новым рынкам [7].

Постсоветские страны Центральной Азии становятся стратегическим направлением в иранской внешней политике при Э. Раиси по нескольким причинам. Во-первых, это экономические интересы. В регионе находятся значительные запасы углеводородов, а также стратегически важные транспортные пути, связывающие Китай, Россию, Европу и Южную Азию. Во-вторых, Иран стремится играть ключевую роль в обеспечении безопасности региона, особенно в контексте афганского кризиса и нестабильности на южных рубежах Центральной Азии [8].

Важным аспектом двустороннего сотрудничества является развитие транспортных коридоров, в частности через иранские порты Бендер-Аббас и Чабахар, которые связывают Центральную Азию с Индийским океаном, создавая альтернативные маршруты для торговли [9]. Иранские власти понимают, что этот порт может стать важной альтернативой для стран Центральной Азии, стремящихся снизить свою зависимость от транзитных маршрутов через Китай и Россию. Это также увеличивает важность Ирана как логистического центра в евразийском пространстве [10].

Один из важнейших проектов, в который активно включён Иран, — это международный транспортный коридор «Север — Юг», который предоставляет альтернативу традиционным маршрутам через Суэцкий канал. В рамках этого проекта Иран становится важным звеном,

связывающим Россию и Центральную Азию с Индийским океаном. Это даёт странам региона возможность диверсифицировать свои транспортные маршруты и уменьшить зависимость от европейских рынков [11].

ПОЛИТИКА ИРАНА В ОТНОШЕНИИ ЕАЭС

Иран также стремится развивать более активные формы экономического сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза. Идея расширения зоны свободной торговли с ЕАЭС может существенно усилить экономические связи Ирана с государствами Центральной Азии, такими как Казахстан и Узбекистан, а также дать новые возможности для экспорта иранских товаров на рынки Евразии.

Несмотря на активные усилия, Иран сталкивается с рядом серьёзных вызовов на пути к реализации своих внешнеполитических целей в Центральной Азии. Прежде всего, сохраняются значительные экономические ограничения, связанные с международными санкциями. Эти санкции не только препятствуют привлечению иностранных инвестиций в иранскую экономику, но и ограничивают доступ к передовым технологиям, необходимым для реализации крупных инфраструктурных проектов [12].

Кроме того, Центральная Азия является регионом, где активно присутствуют и другие международные игроки, такие как Китай и Россия, что создаёт конкуренцию за влияние. Китай, например, продвигает свою инициативу «Один пояс, один путь», которая включает значительные инвестиции в инфраструктуру и экономику стран Центральной Азии. Россия, в свою очередь, продолжает играть ведущую роль в регионе через такие организации, как Евразийский экономический

союз, где Иран также стремится расширить своё участие [13].

Также Иран до сих пор пока не предложил собственной инициативы по созданию региональной платформы сотрудничества, что делает его менее активным игроком по сравнению с США или Японией, продвигающими форматы типа «5+1». Ирану на наш взгляд необходимо преодолеть эти вызовы для того, чтобы максимально реализовать свой потенциал в качестве ключевого партнёра для стран ЦА региона.

Иран видит значительный потенциал в сотрудничестве с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). В 2019 году Иран подписал временное соглашение о создании зоны свободной торговли с ЕАЭС, что стало важным шагом в укреплении экономических связей. Этот договор открыл иранским производителям доступ на рынки стран ЕАЭС, таких как Казахстан, Армения и Беларусь. В то же время страны Центральной Азии получили возможность расширить экспорт своей продукции в Иран [14]. Иран также активно участвует в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где стремится усилить своё влияние на процессы региональной безопасности и экономического сотрудничества. В рамках ШОС Иран может играть роль посредника в урегулировании конфликтов и создании стабильных условий для экономического развития региона [15].

В целом внешняя политика Ирана в Центральной Азии после прихода к власти Эбрахима Раиси продемонстрировала последовательный поворот к «восточной политике», ориентированной на углубление связей с Россией, Китаем и странами Центральноазиатского региона.

После трагической смерти Э. Раиси, и избранием президента Ирана Масуда Пезешкиана, Иран продолжает внешнеполитический курс, ориентированный

на тесное с стратегическое сотрудничество с соседними странами по ЦА региону, а также с КНР, РФ. Активное участие Ирана 23 октября 2024 года на саммите БРИКС в Казани, где Президент Ирана Масуд Пезешкиан, предложил создать новую транзитную сеть торговли энергоносителями и объединение к совместным действиям против западных экономических санкций⁴.

Участие Ирана в евразийских интеграционных процессах и развитие мультимодальных транспортных коридоров подтверждают его стремление занять центральное место в региональной политике и экономике. Однако для дальнейшего успеха Тегерану необходимо не только укреплять двусторонние отношения, но и развивать собственные инициативы, направленные на создание стабильных платформ для сотрудничества со странами региона.

Иранская внешняя политика в настоящее время с учетом новых вызовов и угроз на Ближнем Востоке, демонстрирует успешную адаптацию к изменяющимся международным условиям и региональной динамике. Участие Ирана в евразийских интеграционных процессах, таких как ШОС и ЕАЭС, открывает новые перспективы для укрепления экономических и политических связей с регионами Евразии. Однако Ирану предстоит преодолеть серьёзные вызовы, связанные с международными санкциями и конкуренцией за влияние в Центральной Азии [16].

Ставка на укрепление связей с соседними с Ираном государствами, участие в евразийских интеграционных процессах и стремление к многополярному

мировому порядку делают Иран значимым игроком на мировой арене. В то же время, на наш взгляд Ирану необходимо активизировать собственные инициативы в Центральной Азии, чтобы полноценно реализовать свой потенциал в условиях глобальных изменений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В последние десятилетия Иран прошел значительный путь в пересмотре своих внешнеполитических приоритетов. Ориентация на улучшение отношений с соседними странами, что особенно проявляется в так называемой «восточной политике», стала важным инструментом для укрепления влияния Ирана в Центральной Азии и Евразии в целом. Отход от западноориентированного курса, доминировавшего в годы правления Хасана Рухани, и переход к углублению связей с Россией, Китаем и странами региона свидетельствуют о прагматичном подходе к международным отношениям.

2. Центральная Азия играет ключевую роль в иранской внешней политике благодаря своему географическому положению и экономическому потенциалу. Иран активно наращивает двусторонние и многосторонние связи с государствами региона, укрепляя торгово-экономические и политические отношения. Важным аспектом сотрудничества является безопасность, особенно на фоне нестабильности в Афганистане, а также развитие транспортных коридоров, связывающих регион с другими частями Евразии.

3. Иран стремится активно участвовать в евразийских интеграционных инициативах, таких как ШОС, ЕАЭС, а также

⁴ Президент Ирана предложил БРИКС создать новую сеть для транзита энергоносителей. 23.10.2024. <https://iz.ru/1779001/2024-10-23/prezident-irana-predlozhit-briks-sozdat-novuiu-set-dlia-tranzita-energonositelei> (дата обращения: 23.10.2024)

региональных и мировых как Организация экономического сотрудничества (ОЭС) и БРИКС. Это не только открывает новые возможности для экономического развития республики, но и усиливает её международный статус как ключевого игрока на евразийском пространстве. Участие в таких структурах даёт Ирану возможность интегрироваться в новые экономические и торговые сети, что особенно важно в условиях международных санкций.

4. В условиях глобального перехода к многополярной системе международных отношений Иран позиционирует себя как будущий центр принятия решений. Его стратегическая роль в обеспечении безопасности региона, развитие транспортной инфраструктуры и вовлечённость в международные организации свидетельствуют о растущем влиянии страны

в Евразии. С избранием нового президента Масуда Пезешкиана, исходя из торгово-экономических интересов и обеспечения национальной безопасности, Иран продолжит свой курс, ориентированный на тесное стратегическое сотрудничество с соседними странами по центрально азиатскому региону, а также с КНР, РФ.

5. Несмотря на значительные успехи, Ирану предстоит разработать собственную региональную платформу взаимодействия с Центральной Азией, чтобы конкурировать с другими крупными государствами, продвигающими свои инициативы в регионе. Важным направлением работы остаётся развитие двусторонних и многосторонних механизмов сотрудничества, которые будут учитывать как культурные, так и экономические особенности региона.

ЛИТЕРАТУРА:

- Ehteshami A., Zweiri M. «Iran and the Rise of its Neoconservatives: The Politics of Tehran's Silent Revolution». I.B. Tauris; 2012. P. 226.
- Katzman K. Iran's Foreign and Defense Policies. *Congressional Research Service*. 2021:47.
- Кучинский Г. М. Евразийская политика Ирана. Москва. 2018. С.71.
- Hashimova U. Iran's Chabahar Port: Potential for India-Central Asia Trade. *The Diplomat*. 2019:50-51
- Sanaei M., Karami Ja. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges. *Russia in Global Affairs*. 2021;19(3):139-141.
- Наумов В. И. Транспортные коридоры Центральной Азии. Москва: 2019. С.73
- Рахимов А. К. Региональная торговля и транспортные коридоры Центральной Азии. Москва: 2020. С.33-35
- Frolova E. International North-South Transport Corridor: Geopolitical Challenges. *Journal of Eurasian Affairs*. 2022;3:89-109.
- Pirani S. The Future of Iranian Energy Exports after US Sanctions. *Energy Strategy Reviews*. 2020:80
- Аль-Бахрани М. М. Транспортные хабы в глобальной экономике: роль Ирана. Москва. 2021. С.222
- Atai F. Iran's Strategic Role in Central Asia: Challenges and Opportunities. *Journal of Central Asian and Caucasian Studies*. 2021:52.
- Ширвани А. Иран и международные санкции: политико-экономический контекст. Москва: 2022. С. 62
- Никитин С. А. Центральная Азия между Китаем и Россией: геополитика XXI века. Москва: 2021. С.175
- Махмудов Г. Т. Иран и ЕАЭС: перспективы торгово-экономического сотрудничества. 2020. С.84-85
- Малашенко А. Н. ШОС как инструмент регионального влияния: Иранский взгляд. 2021. С.44
- Каземини М. А. Иран в новой геополитике Евразии. Москва: 2023. С. 103-104.

REFERENCES:

1. Ehteshami A., Zweiri M. «Iran and the Rise of its Neoconservatives: The Politics of Tehran's Silent Revolution». I.B. Tauris; 2012. P. 226.
2. Katzman K. Iran's Foreign and Defense Policies. *Congressional Research Service*. 2021:47.
3. Kuchinsky G. M. Iran's Eurasian Policy. Moscow: 2018. P.71. (In Russ.)
4. Hashimova U. Iran's Chabahar Port: Potential for India-Central Asia Trade. *The Diplomat*. 2019:50-51.
5. Sanaei M., Karami Ja. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges. *Russia in Global Affairs*. 2021;19(3):139 -141.
6. Naumov V. I. Transport Corridors of Central Asia. Moscow: 2019. P.73 (In Russ.)
7. Rakhimov A.K. Regional Trade and Transport Corridors of Central Asia. Moscow: 2020. P.33-35(In Russ.)
8. Frolova E. International North-South Transport Corridor: Geopolitical Challenges. *Journal of Eurasian Affairs*. 2022;3:89-109. (In Russ.)
9. Pirani S. The Future of Iranian Energy Exports after US Sanctions. *Energy Strategy Reviews*. 2020:80
10. Al-Bahrani M.M. Transport Hubs in the Global Economy: Iran's Role. Moscow. 2021. P.222 (In Russ.)
11. Atai F. Iran's Strategic Role in Central Asia: Challenges and Opportunities. *Journal of Central Asian and Caucasian Studies*. 2021:52.
12. Shirvani A. Iran and International Sanctions: Political and Economic Context. Moscow: 2022. P. 62 (In Russ.)
13. Nikitin S. A. Central Asia between China and Russia: Geopolitics of the 21st Century. Moscow: 2021. P.175. (In Russ.)
14. Makhmudov G. T. Iran and the EAEU: Prospects for Trade and Economic Cooperation. 2020. P.84-85. (In Russ.)
15. Malashenko A. N. SCO as an Instrument of Regional Influence: The Iranian View. 2021. P.44. (In Russ.)
16. Kazemini M. A. Iran in the New Geopolitics of Eurasia. Moscow. 2023. P.103-104. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Элиана А. Сатарова, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
elyazibo@mail.ru

Eliana A. Satarova, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
elyazibo@mail.ru

Идентичность Донбасса в восприятии украинской политической аналитики (2014–2022 гг.) и конструирование образа врага

Андрей В. Баранов

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия,
baranovandrew@mail.ru

Юлия В. Костенко

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия,
baranovandrew@mail.ru

Аннотация: актуальность темы исследования в том, что укрепление российской идентичности жителей Донбасса совершается в условиях информационной войны с украинским радикальным национализмом. Важно осмыслить, каким образом украинская политическая аналитика конструирует образ врага. Цель работы – определить и подвергнуть критике мифы об идентичности Донбасса, конструируемые в украинской политической аналитике (2014–2022 гг.). Теоретическая основа исследования – системный подход, идентитарный подход, социальный конструктивизм. Применены эмпирические методы: анализ текстов и дискурс-анализ. Выборка источников включает тексты, опубликованные сотрудниками Института политических и этнонациональных исследований имени И.Ф. Кураса и Национального института стратегических исследований за 2014–2022 гг. Установлены основные аспекты конструирования образа врага и применения «языка вражды»: русофобия, отказ от общей для русских и украинцев православной и восточнославянской самоидентификации, подтасовка исторических фактов, ассоциирование Донбасса и его истории исключительно с преступностью, маргинальностью, сепаратизмом. Данные дискурсивные приёмы используются украинскими аналитиками в научных по внешней форме изложения текстах, но они нацелены на диффамацию противника и его идейное разоружение, следовательно, являются одной из технологий информационной войны. Для того, чтобы повысить эффективность российской политики идентичности в Донбассе, требуется формировать картину мира жителей региона на основе позитивного восприятия истории России и традиционных ценностей российской цивилизации, квалифицированного и своевременного разоблачения мифов украинской националистической пропаганды. Авторы предлагают организовать на Юге России экспертно-аналитическую организацию по тематике украинских исторических и социально-политических исследований.

Ключевые слова: идентичность, Донбасс, Украина, Россия, политическая аналитика, образ врага, конструирование

Для цитирования: Баранов А.В., Костенко Ю.В. Идентичность Донбасса в восприятии украинской политической аналитики (2014–2022 гг.) и конструирование образа врага. *Проблемы постсоветского пространства.* 2024;11(4):301–311. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-301-311>

Поступила 11.08.2024

Принята в печать 28.10.2024

Опубликована 30.12.2024

The identity of Donbass in the perception of Ukrainian political analysts (2014–2022) and the construction of the image of the enemy

Andrey V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russia,

baranovandrew@mail.ru

Yulia V. Kostenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia,

jkostenko@yandex.ru

Abstract: The relevance of the research topic is manifested in the fact that the strengthening of the Russian identity of the residents of Donbass is taking place in the context of an information war with Ukrainian nationalism. It is important to understand how Ukrainian political analytics constructs the image of the enemy. The aim of the work is to identify and criticize the myths about the identity of Donbass, constructed in Ukrainian political analytics (2014–2022). The theoretical basis of the study is a systematic approach, an identitarian approach, and social constructivism. Empirical methods: text analysis and discourse analysis. The selection of sources of Ukrainian political analytics includes texts published by the staff of the Institute of Political and Ethnonational Studies named after I.F. Kuras and the National Institute for Strategic Studies (Kiev) for 2014–2022. The main aspects of constructing the image of the enemy and using the “language of hostility” are established: Russophobia, rejection of the Orthodox and East Slavic self-identification common to Russians and Ukrainians, falsification of historical facts, association of Donbass and its history exclusively with crime, marginality, separatism. These discursive techniques use by Ukrainian analysts in scientific texts in the external form of presentation, but they are aimed at defamation of the enemy and his ideological disarmament, therefore, they are one of the technologies of information warfare. In order to increase the effectiveness of the Russian identity policy in Donbass, it is necessary to form a picture of the world of the inhabitants of the region based on a positive perception of the history of Russia and the traditional values of Russian civilization, qualified and timely exposure of the myths of Ukrainian

nationalist propaganda. The authors propose to organize an expert and analytical organization in the South of Russia on the subject of Ukrainian historical and socio-political studies.

Keywords: identity, Donbass, Ukraine, Russia, political analytics, enemy image, construction

For citation: Baranov A.V., Kostenko Y.V. The identity of Donbass in the perception of Ukrainian political analysts (2014–2022) and the construction of the image of the enemy. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(4):301–311. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-301-311>

Received 11.08.2024

Revised 28.10.2024

Published 30.12.2024

Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013

ВВЕДЕНИЕ

Тема статьи актуальна в контексте социокультурной интеграции Донбасса с Россией, на что обратил внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин в выступлении 2 августа 2023 г.¹ Чтобы разработать и реализовать эффективную политику идентичности, надо понимать методы информационной войны, которая ведётся странами Запада и Украиной в ДНР и ЛНР. Исследование темы полезно для противодействия украинской националистической пропаганде, укрепления российской идентичности в новых субъектах федерации.

Цель исследования – определить и подвергнуть критике мифы об идентичности Донбасса, конструируемые в украинской политической аналитике (2014–2022 гг.).

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Значительную роль в исследованиях играют теоретические работы Ф. Барта, Р. Водак и др. о конструировании территориальной и этнической идентичности [1; 2]. Прикладные исследования нациестроительства и конструирования идентичностей на Украине провели зарубежные эксперты Т. Кузьо [3, р. 343–365], Ю. Бестерс-Дильгер и Я. Грицак [4, с. 352–380], Н. Хенке [5]. Враждебные России западные аналитики Г. Сассе и А. Лакнер [6, с. 1–19]; С. Куделиа и Я. ван Зил [7, с. 801–821] признают значительную роль исторической памяти в расколе сообщества Донбасса на сторонников российской и украинской идентичностей.

В российской политологической школе тема пребывала на периферии внимания.

¹ Путин обсудил ситуацию с библиотеками в новых регионах. URL: <https://rg.ru/2023/08/02/knigi-sentiabria.html> (дата обращения 02.08.2024).

Первой значительной работой следует признать книгу С.С. Савоскула [8]. Исследования активизировались в 2010-х гг., что объясняется эскалацией конфликта идентичностей на Украине. Следует упомянуть работы В.Е. Григорьянца, С.С. Жильцова, А.В. Ишина и А.В. Мальгина [9, с. 106–227], А.В. Ставицкого [10], О.Б. Неменского [11, с. 26–34], И.С. Шатило [12, с. 38–44], А.В. Баранова [13, с. 98–106], А.В. Марчукова [14]. Их авторы, опираясь на исторический материал, аргументировали существование идентичности Донбасса и её принципиальные отличия от украинской, намечали контуры российской политики идентичности в регионе.

Наибольший интерес представляют исследования, авторы которых анализируют политику идентичности в независимых ДНР и ЛНР, а также в период интеграции Донбасса в Российскую Федерацию. О.В. Онопко и Л.Б. Внукова сопоставляют стратегии формирования идентичности Донбасса и Украины [15]. Проекты идентичности Донбасса в системе ценностей Русского мира обосновывают Д.Е. Муза [16, с. 135–168] и Н.В. Пробейголова [17]. Методы патриотического воспитания в ДНР и ЛНР освещены в работе под редакцией Д.Е. Музы, Е.В. Балко и Я.В. Поляковой [18]. Л.Б. Внукова и Т.Ю. Власкина [19, с. 73–86], И.Е. Татаринцов и А.В. Герасимов [20, с. 537–545] провели исследования постов в социальных сетях и анкетных опросов. Внешнеполитическая экспертиза Украины изучена О.В. Онопко [21].

Для изучения выбраны работы, опубликованные украинскими политологами за 2014–2022 гг. Выборка текстов – работы сотрудников Института политических и этнонациональных исследований имени И.Ф. Кураса и Национального института стратегических исследований. Эти экспертно-аналитические организации

последовательно выражают прозападную позицию.

Украинские исследования темы [22; 23; 24; 25] носят этнократический характер, отрицая существование русской идентичности в Донбассе, сводя проблему к «сепаратизму» и российской агрессии. Их авторы поддерживают унификацию идентичностей, уничтожение памяти о российском прошлом и настоящем Донбасса, навязывание региону украинской идентичности.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу исследования положен системный подход, идентитарный подход, социальный конструктивизм. Применены методы: анализ текстов и дискурс-анализ, позволяющие проверить датировку текстов, обстоятельства их создания, политическую направленность текста и стереотипы выражения смыслов. Учитывается роль речевых конструкций в построении текстов и способах их аргументации [10; 26, с. 158–175].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Система экспертно-аналитических организаций, выполняющих заказы органов власти на подготовку политических решений, сложилась на Украине в 1990-х гг. Она включает в себя академические учреждения (Институт политических и этнонациональных исследований НАН Украины); высшие учебные заведения (Киево-Могилянскую академию), научные институты, аффилированные с силовыми ведомствами (Национальный институт стратегических исследований Администрации Президента Украины, НИСИ), частные структуры (Украинский институт экономических и политических исследований имени А. Разумкова). Почти все экспертно-аналитические организации Украины финансируются странами Запада

и занимают антироссийские позиции. Редкое исключение представлял Киевский международный институт социологии во главе с М.Б. Погребинским, отстаивавший многовекторную внешнюю политику Украины и федерализацию страны.

Деятельность украинских экспертных структур по оправданию карательных действий в Донбассе началась в 2014 г. и опиралась на исследования региональных идентичностей. Такие работы решают задачи информационной войны, деконструкции символов гордости и исторической памяти русского населения Донбасса.

В полной мере эти целевые установки проявились в монографии, изданной НИСИ в 2015 г. под редакцией В.П. Горбулина, О.С. Власюка, Е.М. Лобановой и О.М. Ляшенко. Основная часть труда раскрывает военные и геополитические аспекты темы. Один из параграфов [27, с. 280–296] раскрывает ресурсы конструирования украинской идентичности в регионе: контроль над телерадиовещанием и контентом передач, создание цензурных и карающих органов. Так, в марте 2015 г. при Министерстве информационной политики Украины создана комиссия по вопросам обеспечения стабильного функционирования системы национального телевидения и радиовещания с участием Министерства финансов, МВД, СБУ, Администрации Госспецсвязи, Госкомтелерадио, Национального совета по вопросам телевидения и радиовещания. Она уделяет особое внимание теле- и радиовещанию, цитированию западных информационных агентств и сайтов, медиаресурсов российской западной оппозиции. Авторы текста жаловались на отсутствие целостной системы информационной политики Украины и её слабое финансирование. Они вынуждены признать, что «в деятельности почти всех общенациональных

вещателей постоянно фиксируются материалы, сделанные» на заказ, практикуется замалчивание фактов, распространение недостоверной и непроверенной информации и т.п., а непрофессиональная подача общеукраинской аудитории сведений» о событиях в Донбассе «безусловно, вызывает раскол в украинском обществе»; украинские медиа часто используют «язык вражды» [27, с. 291].

Другой пример манипулятивных практик украинских аналитических структур – серия монографий и сборников об истории и современном состоянии Донбасса. Монография под редакцией В. Котигоренко излагала очерк истории Донбасса, пытаясь доказать сфальсифицированные положения: украинцы проживали в регионе всегда, начиная с раннего средневековья; элиты регионального сообщества были украинскими, а не русскими; в советский период существовала суверенная государственность УССР; межэтнические и языковые отношения после 1991 г. гармоничны, Украина обеспечивает равноправие народов; русские Донбасса названы диаспорой, будто русский язык и русская культура не преобладали в регионе со времён Екатерины II, а население не полиэтнично [27, с. 25–171].

Рассматривая изменения этнического и языкового состава, авторы вынуждены признать уменьшение доли украинцев в населении Донецкой и Луганской областей за 1989–2001 гг., но неубедительно объясняют это спадом численности населения [27, с. 172–173, 212]. Ареал проживания украинцев связан с сёлами и малыми городами. Напротив, русские в 2001 г. почти полностью проживали в городах: 95% русских в Донецкой области и 88,8% – в Луганской области [27, с. 177–178]. Активно развивалась реидентификация – смена этничности, принятие

русскими в Донбассе украинства (2/3 роста численности украинцев) [27, с. 214]. Но авторы умалчивают о принуждении считать себя украинцами, происходившем во время переписи 2001 г. Они сетуют на «стереотипы» о непрестижности украинского языка и культуры в Донбассе, объясняя это преподаванием социально-гуманитарных наук на русском языке [27, с. 268]. Делается ложный вывод: «продолжение доминирования русского языка в регионе» равнозначно игнорированию украинского языка, т.е. отрицается положительное значение двуязычия [27, с. 303]. Описывая противоборство 2004–2014 гг., авторы обвиняют пророссийские движения Донбасса в сепаратизме, отрицают существование украинского национализма, называя критику фашистских группировок «политтехнологической схемой Кремля» [27, с. 466].

Представляет интерес монография М.С. Кармазиной о политической идентичности городского сообщества Донецка, выполненная по единой программе с исследованиями идентичностей других городов (Киева, Одессы и др.). Автор рассматривает историко-культурные и экономические ресурсы формирования идентичности [28, с. 71–121], символику, праздники и обрядность, влияние политической активности и контента массмедиа на самосознание горожан. М.С. Кармазина сетует на невнимание властей Украины к городскому пространству Донбасса: топонимике, символам гордости, памятникам, которые автор презрительно называет «законсервированностью» советского наследия. Циничным выглядит вывод М.С. Кармазиной о фиктивности русской идентичности в Донбассе: «Попадание индивида в сети виртуальных благ (“славянского единства”, “русского мира”, “православного братства” и др.) была одной из причин, которые

сделали возможным уничтожение «иммунитета общества» и создание “самодельных” “ДНР” и “ЛНР”, обернулись фактическим самоуничтожением региона» [28, с. 225–226]. Жители Донецка обвиняются в пассивности, слабой саморефлексии, негативном отношении к жителям других регионов; идентичность Донбасса именуется «тюремной», основанной на страхах, мифах и фрустрациях [28, с. 229]. Украинские аналитики приписывают жителям Донбасса те низменные черты и действия, которые проявляет киевский режим.

В другой монографии (под редакцией О.О. Рафальского, В.О. Котигоренко и М.И. Панчука) региональное сообщество Донбасса обвиняется в сепаратизме, ксенофобии, которые выводятся из преобладания русских в составе населения и манипулятивных действий региональных элит, противопоставляющих себя Украине [29, с. 47–50].

Бездоказательный и эмоциональный дискурс рассуждений выдаёт не высказанные «вслух» киевскими аналитиками цели: полную унификацию общества на основе принятия западной цивилизационной ориентации, отказа от православного и восточно-христианского наследия, замалчивания либо очернения всех исторических событий и явлений, сближающих Малороссию с Россией. Жёсткой критике подверглась Украинская Право-славная церковь Московского патриархата. Речь идёт о принудительной смене цивилизационной идентичности Украины, о «перепрошивке» сознания миллионов людей [30]. Делаем вывод о манипулировании фактами в работах украинских аналитиков для обоснования притязаний на Донбасс.

ОБСУЖДЕНИЕ

Встаёт вопрос об альтернативе подобным проектам. После «Русской весны»

ДНР и ЛНР существовали почти восемь лет в статусе самопровозглашённых государств. Неопределённость создала условия для соперничества различных проектов идентичности Донбасса в широком спектре: от акцентирования полиэтничности сообщества до конструирования «регионального варианта» русского языка². Но социологические опросы и анализ постов в социальных сетях ДНР и ЛНР подтверждают рост поддержки русской этнической и российской национальной идентичностей [15; 19]. Точку в дискуссиях поставили нормативно-правовые акты о принятии ДНР и ЛНР в состав Российской Федерации. В Донбассе стала действовать «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», предусматривающая укрепление российской идентичности и единства российской нации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ представлений об идентичности Донбасса, конструируемых в украинской политической аналитике в 2014–2022 гг., подтвердил наличие таких стереотипов, как: русофобия, отказ от общей для русских и украинцев православной и восточнославянской самоидентификации, подтасовка исторических фактов, ассоциирование Донбасса и его истории с преступностью, маргинальностью, сепаратизмом. Будучи выраженными в научных по форме изложения текстах, эти стереотипы направлены на диффамацию противника, его идейное разоружение,

являются одной из технологий информационной войны. Такой политике следует противопоставить системную государственную стратегию России по социокультурной реинтеграции Донбасса. Чтобы повысить эффективность российской политики идентичности в Донбассе, требуется формировать картину мира жителей региона на основе позитивного восприятия истории России и традиционных ценностей российской цивилизации, квалифицированного и своевременного разоблачения мифов украинской националистической пропаганды. Авторы предлагают организовать на Юге России экспертно-аналитическую организацию по проблематике украинских исторических и социально-политических исследований. Особое внимание необходимо уделить преподаванию в средней и высшей школе Донбасса патриотически ориентированных курсов истории России, обществознания и других гуманитарных дисциплин. Целесообразен статус русского языка в ДНР и ЛНР как единственного государственного. Другие языки могут изучаться по добровольному согласию учеников и их родителей. Следует уделить повышенное внимание контролю над медиапространством ДНР и ЛНР, повышению квалификации журналистов, недопущению антигосударственной деятельности прозападных и проукраинских информационных ресурсов. Идентичность Донбасса должна в российской политике позиционироваться как региональная, выражающая общие цивилизационные и исторические традиции России.

² Залевская Н. От донбасского регионального патриотизма к России. URL: <https://novorosinform.org/738382> (дата обращения 02.08.2024).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. Москва: Новое издательство; 2006. 198 с.
2. Wodak R., De Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity (Critical Discourse Analysis). Edinburgh: Edinburgh University Press; 2009. 288 p.
3. Kuzio T. Identity and Nation-Building in Ukraine: Defining the “Other”. *Ethnicities*. 2001;1(3):343–365.
4. Україна: Процеси націотворення / упоряд. А. Каппелер. Київ: К.І.С.; 2011. 416 с.
5. Henke N. Identity and Nation-Building in Ukraine: Reconciliation of Identities from a Conflict Prevention Perspective. ECMI Research Paper #125. Flensburg, 2020. 31 p.
6. Sasse G., Lackner A. War and Identity: the Case of the Donbas in Ukraine. *Post-Soviet Affairs*. 2018;34(2):1–19.
7. Kudelia S., van Zyl J. In My Name: The Impact of Regional Identity on Civilian Attitudes in the Armed Conflict in Donbas. *Nationalities Papers*. 2019;47(5):801–821.
8. Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. Москва: Наука; 2001. 437 с.
9. Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. Москва: Восток – Запад; 2011. 228 с.
10. Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибэст; 2015. 748 с.
11. Неменский О.Б. Эволюция русской и украинской идентичности на Украине после Евромайдана. *Вопросы национализма*. 2015; 4(24):26–34.
12. Шатило И.С. Новороссия как историческая реальность и политический проект. *Власть*. 2015;2:38–44.
13. Баранов А.В. Политическая идентичность Новороссии: состояние и ресурсы конструирования. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015;2(43):98–106.
14. Марчуков А.В. Новороссия. Формирование национальных идентичностей (XVIII – XX вв.). Москва: Кучково поле; 2018. 512 с.
15. Онопко О.В., Внукова Л.Б. Политическая символика и формирование гражданской идентичности населения Донбасса в современных условиях. *Парадигмы общественного развития*. 2018;10:73–78.
16. Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика. Москва: Издатель Воробьев А.В.; 2016. 232 с.
17. Пробейголова Н.В. Технологии мифотворчества в процессе конструирования современной политической реальности (на примере Украины, ЛНР и ДНР): цивилизационный подход. *Журнал Института Наследия*. 2018;2(13).
18. Патриотическое воспитание в Донбассе: история, теория, практика / под ред. Д.Е. Музы, Е.В. Балко и Я.В. Поляковой. Донецк: Edit; 2018. 228 с.
19. Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект. *Вестник Томского государственного университета*. 2021;463:73–86.
20. Татаринев И.Е., Герасимов А.В. Южно-русская идентичность на Донбассе: некоторые особенности бытования в XXI веке. Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019;537–545.
21. Онопко О.В. Крым и Черноморский регион в политической картине мира экспертов Национального института стратегических исследований Украины (на материалах аналитических докладов к посланиям Президента Верховной Раде). *Каспийский*

- регион: политика, экономика, культура. 2020;4(65):79–84.
22. Донбас і Крим: ціна повернення / за заг. ред. В.П. Горбуліна, О.С. Власюка, Е.М. Лібано-вої, О.М. Лященко. Київ: Національний інститут стратегічних досліджень; 2015. 474 с.
 23. Pakhomenko S., Tryma K., Francis J.A. The Russian-Ukrainian War in Donbas: Historical Memory as an Instrument of Information Warfare // The Use of Force Against Ukraine and International Law. Hague: T.M.C. Asser Press; 2018:298–312.
 24. Abibok Yu. On the Way to Creating the “Donbas People”. Identity Policy in the Self-Proclaimed Republics in East Ukraine. Centre for Eastern Studies. 2018;270:1–8.
 25. Haran O., Yakovlyev M., Zolkina M. Identity, War, and Peace: Public Attitudes in the Ukraine-Controlled Donbas. *Eurasian Geography and Economics*. 2019:1–25.
 26. Кузина О.А., Ситько Ю.Л. Символические знаковые ситуации и формирование мифа в цветных революциях. *Мифологос*. 2022;3:158–175.
 27. Донбас в етнополітичному вимірі / авт. кол.: В. Котигоренко (кер.), О. Калакура, Л. Ковач та інші. Київ: ІПіЕНД імені І.Ф. Кураса НАН України; 2014. 584 с.
 28. Кармазіна М.С. Політичні ідентичності в сучасній Україні: міська громада Донецька. Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України; 2016. 232 с.
 29. Політичні аспекти кризи на Донбасі: діагностика стану та напрями врегулювання. Аналітична доповідь / редкол. Рафальський О.О. (гол.), Котигоренко В.О., Панчук М.І. Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України; 2015. 268 с.
 30. Войналович В.А., Кочан Н.І. Релігійний чинник етнополітичних процесів на Донбасі: історія і сучасність. Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України; 2014. 304 с.

REFERENCES:

1. Ethnic groups and social boundaries: The social organization of cultural differences / ed. by F. Barth. Moscow: New Publishing House; 2006. 198 p. (In Rus.).
2. Wodak R., De Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity (Critical Discourse Analysis). Edinburgh: Edinburgh University Press; 2009. 288 p.
3. Kuzio T. Identity and Nation-Building in Ukraine: Defining the “Other”. *Ethnicities*. 2001;1(3):343–365.
4. Ukraine: The Process of National creation / ed. by A. Kappeler. Kyiv: K.I.S.; 2011. 416 p. (In Ukr.).
5. Henke N. Identity and Nation-Building in Ukraine: Reconciliation of Identities from a Conflict Prevention Perspective: ECMI Research Paper № 125. Flensburg, 2020. 31 p.
6. Sasse G., Lackner A. War and Identity: the Case of the Donbas in Ukraine. *Post-Soviet Affairs*. 2018;34(2):1–19.
7. Kudelia S., van Zyl J. In My Name: The Impact of Regional Identity on Civilian Attitudes in the Armed Conflict in Donbas. *Nationalities Papers*. 2019;47(5):801–821.
8. Savoskul S.S. Russians of the new abroad: The choice of fate. Moscow: Nauka; 2001. 437 p. (In Rus.).
9. Grigoryants V.E., Zhiltsov S.S., Ishin A.V., Malgin A.V. Federalization of Ukraine: towards unity through diversity. Moscow: East – West; 2011. 228 p. (In Rus.).
10. Stavitsky A.V. The national historical myth of Ukraine. Sevastopol: Ribest; 2015. 748 p. (In Rus.).
11. Nemensky O.B. The evolution of Russian and Ukrainian identities in Ukraine after

- Euromaidan. *Issues of nationalism*. 2015;4(24): 26-34. (In Rus.).
12. Shatilo I.S. Novorossiya as a historical reality and a political project. *Power*. 2015;2:38-44. (In Rus.).
 13. Baranov A.V. The political identity of Novorossiya: design status and resources. *The Caspian region: politics, economy, culture*. 2015;2(43):98-106. (In Rus.).
 14. Marchukov A.V. Novorossiya. Formation of national identities (XVIII – XX centuries). Moscow: Kuchkovo pole; 2018. 512 p. (In Rus.).
 15. Onopko O.V., Vnukova L.B. Political symbolism and the formation of the civil identity of the population of Donbass in contemporary conditions. *Paradigms of social development*. 2018;10:73-78. (In Rus.).
 16. Muza D.E. Russia in the system of coordinates of the global world: metaphysics, ideology, pragmatics. Moscow: Publisher Vorobyov A.V.; 2016. 232 p. (In Rus.).
 17. Probegyolova N.V. Myth-making technologies in the process of constructing current political reality (on the example of Ukraine, the LPR and the DPR): a civilizational approach. *Journal of the Heritage Institute*. 2018;2(13). (In Rus.).
 18. Patriotic education in Donbass: history, theory, practice / ed. by D.E. Muza, E.V. Balko and Ya.V. Polyakova. Donetsk: Edit; 2018. 228 p. (In Rus.).
 19. Vnukova L.B., Vlaskina T.Y. Self-identification of Donbass residents in the context of socio-political views: socio-linguistic aspect. *Bulletin of Tomsk State University*. 2021;463:73-86. (In Rus.).
 20. Tatarinov I.E., Gerasimov A.V. South Russian identity in Donbass: some features of existence in the XXI century. The Black Sea region in the context of Russian civilization: history, politics, culture. Krasnodar: Kuban State University; 2019; 537-545. (In Rus.).
 21. Onopko O.V. Crimea and the Black Sea region in the political picture of the world of experts from the National Institute for Strategic Studies of Ukraine (based on the materials of analytical reports to the President's messages to the Supreme Rada). *The Caspian region: politics, economy, culture*. 2020;4(65):79-84. (In Rus.).
 22. Donbass and Crimea: price of return / ed. by V.P. Gorbulin, O.S. Vlasyuk, E.M. Libanova, O.M. Lyashenko. Kyiv: National Institute of Strategic Studies; 2015. 474 p. (In Ukr.).
 23. Pakhomenko S., Tryma K., Francis J.A. The Russian-Ukrainian War in Donbas: Historical Memory as an Instrument of Information Warfare. *The Use of Force Against Ukraine and International Law*. Hague: T.M.C. Asser Press; 2018:298–312.
 24. Abibok Yu. On the Way to Creating the “Donbas People”. Identity Policy in the Self-Proclaimed Republics in East Ukraine. *Centre for Eastern Studies*. 2018;270:1–8.
 25. Haran O., Yakovlyev M., Zolkina M. Identity, War, and Peace: Public Attitudes in the Ukraine-Controlled Donbas. *Eurasian Geography and Economics*. 2019:1–25.
 26. Kuzina O.A., Sitko Y.L. Symbolic situations and the formation of myth in color revolutions. *Mythologos*. 2022;3:158-175. (In Rus.).
 27. Donbass in the ethnopolitical dimension / authors: V. Kotigorenko (head), O. Kalakura, L. Kovach et al. Kyiv: Institute of Political and Ethnonational Sciences after I.F. Kuras of the National Academy of Sciences of Ukraine; 2014. 584 p. (In Ukr.).
 28. Karmazina M.S. Political identity in Ukraine: the local community of Donetsk. Kyiv: Institute of Political and Ethnonational Sciences after I.F. Kuras of the National Academy of Sciences of Ukraine; 2016. 232 p. (In Ukr.).
 29. The political aspects of the crisis in Donbass: the diagnosis of the situation and the future. Analytical report / ed. by Rafalsky O.O. (head), Kotigorenko V.O., Panchuk M.I. Kyiv: Institute of Political and Ethnonational Sciences after I.F. Kuras of the National Academy of Sciences of Ukraine; 2015. 268 p. (In Ukr.).

30. Voynalovich V.A., Kochan N.I. Religious factor of ethno-political processes in the Donbas: history and modernity. Kyiv: Institute of Political and Ethnonational Sciences after I.F. Kurash of the National Academy of Sciences of Ukraine; 2014. 304 p. (In Ukr.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Андрей В. Баранов, Доктор политических наук, доктор исторических наук, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия; 350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149;
baranovandrew@mail.ru

Andrey V. Baranov, Doctor of political sciences, doctor of historical sciences, Kuban State University, Krasnodar, Russia; b.149 Stavropol st., Krasnodar, 350040, Russia;
baranovandrew@mail.ru

Юлия В. Костенко, кандидат политических наук, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия; 350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149;
jkostenko@yandex.ru

Yulia V. Kostenko, candidate of political sciences, Kuban State University, Krasnodar, Russia; b.149 Stavropol st., Krasnodar, 350040, Russia;
jkostenko@yandex.ru

Особенности политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе

Елена Г. Гарбузарова

Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызстан,

play_elenag@mail.ru

Аннотация: в условиях кризиса либерально-демократической модели, во всех странах Центральной Азии, включая Киргизию, которая в течении долгого времени демонстрировала успехи в процессе демократического транзита, укрепляются авторитарные тенденции. Целью статьи является анализ содержания и характера политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе. На основе метода сравнительно анализа выделены общие и отличительные черты в политических режимах стран региона. Страны Центральной Азии сгруппированы по принципу повторяющихся тенденций во внутривнутриполитических процессах. В странах Центральной Азии наиболее уязвимыми перед «цветными революциями» являются Киргизия и Таджикистан. Вероятность такого сценария, чреватого политической нестабильностью, побуждает одних политических лидеров стран региона (Казахстан, Узбекистан) проводить реформы и конструировать такой политической режим, который более или менее пропорционального отражает экономическую реальность и социальные потребности, а других (Киргизия, Таджикистан) - прибегать к методам «закручивания гаек», расчищать пространство от политической оппозиции. В обоих случаях это приводит к укреплению режима личной власти глав государств стран Центральной Азии, а, следовательно, президент по-прежнему будет оставаться на вершине властной иерархии. Однако, как показывают результаты последних президентских выборов в Узбекистане и президентских и парламентских выборов в Казахстане, в этих обществах существует запрос на сильную власть, способную обеспечить общественно-политический порядок и стабильность.

Ключевые слова: Центральная Азия, политические процессы, политические режимы, авторитаризм, реформы, «цветные революции»

Для цитирования: Гарбузарова Е.Г. Особенности политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства.* 2024;11(4):312-324. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-312-324>

Поступила 24.08.2024

Принята в печать 12.10.2024

Опубликована 30.12.2024

Features of Political Processes in Central Asian Countries: at the present Stage

Elena G. Garbuzarova

*Kyrgyz-Russian Slavic university, Bishkek, the Kyrgyz Republic,
play_elenag@mail.ru*

Abstract: in the context of the crisis of the liberal democratic model, authoritarian tendencies strengthen in all Central Asian countries, including Kyrgyzstan. This country demonstrated success in the process of democratic transit for a long time. The purpose of the article is to analyze the content and nature of political processes in Central Asian countries at the present stage. Based on the method of comparative analysis common and distinctive features in the political regimes of the countries of the region are highlighted. The Central Asian countries are grouped according to the principle of recurring trends in domestic political processes. In Central Asian countries, Kyrgyzstan and Tajikistan are the most vulnerable to «color revolutions». The likelihood of such a scenario, fraught with political instability, encourages some political leaders of the countries of the region (Kazakhstan, Uzbekistan) to carry out reforms and design a political regime that more or less proportionally reflects economic reality and social needs, while others (Kyrgyzstan, Tajikistan) resort to methods of «tightening the screws», clearing the space from political opposition. In both cases, this leads to the strengthening of the regime of personal power of the heads of state of the Central Asian countries, and, consequently, the president will continue to remain at the top of the power hierarchy. However, the results of the recent presidential elections in Uzbekistan and the presidential and parliamentary elections in Kazakhstan show that there is a demand for a strong government capable of ensuring socio-political order and stability in these societies.

Keywords: Central Asia, political processes, political regimes, authoritarianism, reforms, «color revolutions»

For citation: Garbuzarova E.G. Features of Political Processes in Central Asian Countries: at the present Stage. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(4):312–324. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-312-324>

*Received 24.08.2024
Revised 12.10.2024
Published 30.12.2024*

ВВЕДЕНИЕ

Политические процессы в странах Центральной Азии отличаются своей насыщенностью, что обусловлено как эндогенными процессами, так и экзогенными факторами. На фоне кризиса либерально-демократической модели, которую после «конца истории» страны Запада так настойчиво пытались экспортировать

в другие страны как якобы залог их устойчивого процветания, в мире укрепляются авторитарные тенденции, включая страны Центральной Азии, а также современную Киргизию, которая долгое время стояла особняком, где усматривали большие успехи в процессе переходного этапа и построении современного демократического государства¹.

Несмотря на то, что Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан географически расположены в одном регионе, они гетерогенны, развиваются на свой манер и по собственной модели [1]. Во внутривосточной жизни стран Центральной Азии можно выделить следующие отличительные черты: разнообразие авторитаризмов, широта и глубина экономических и политических реформ, степень устойчивости режимов к «цветным революциям» и т.д. При этом, стоит подчеркнуть, что во всех странах региона до сих пор не сформировались сильные и независимые политические институты, идет процесс режимной консолидации (все реальные рычаги власти находятся в руках главы государства), предпринимаются усилия по обеспечению внутренней стабильности.

РАЗНООБРАЗИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ АВТОРИТАРИЗМОВ

После распада СССР во всех республиках Центральной Азии началась социально-политическая трансформация, в основу которой был заложен принцип ухода от социалистической системы и переход на реализацию либерально-демократического

проекта. Однако полноценной демократизации стран региона препятствовала совокупность факторов, среди которых значительное влияние на транзит оказывали уже устоявшиеся советские практики управления государством и возродившиеся с новой силой родо-племенные традиции. В итоге сформировалась противоречивая тенденция демократических процессов, когда с одной стороны, все республики демонстрировали свою приверженность соответствующим практикам, включая проведение конкурентных и открытых выборов, а с другой стороны, осуществляли постепенную консолидацию власти, скрывая под демократическим фасадом укрепление авторитарных тенденций. В итоге, в странах Центральной Азии сформировались разнообразные формы авторитаризма с различной степенью демократизации. Конечно, если не вдаваться в особенности различных подходов к характеристике политических систем стран региона, то в обобщенном виде можно всех их причислить к авторитарным, включая современную Киргизию, которую до 2020 г. можно было назвать «островком демократии» в регионе. Особенно это активно подметили на Западе. Так, в Индексе восприятия коррупции Transparency International Киргизия заняла 141 место и набрала 26 баллов, в то время как в 2022 году она занимала 140 место с 27 баллами². В отчете отмечается, что за короткие сроки Кыргызстан превратился из оплота демократии с активным гражданским обществом в консолидированный суперпрезидентский режим правления. Следствием этого, по мнению

¹ Лукьянов Г. Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/> (дата обращения: 20.08.2024).

² Corruption Perception Index. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023/index/kgz> (дата обращения: 17.08.2024).

Transparency International, стал высоким уровнем коррупции в стране.

Американские и российские ученые принимали попытки концептуализации новых моделей политических систем, возникших в странах региона. В 1997 г. в журнале *Foreign Affairs* вышла статья известного американского политолога Ф. Закария, в которой он, рассуждая об особенностях демократического транзита в странах Восточной Европы, Латинской Америке, Азии и Африки, предложил именовать формирующиеся политические системы в этих странах термином «нелиберальная демократия» [2]. Подобный подход к оценке складывающейся политической реальности в вышеупомянутых странах был обусловлен централизацией власти, ограничением полномочий парламента, пренебрежением конституцией. Американский политолог достаточно упрощенно поделит страны на демократии Запада и все остальные недемократичные государства, априори подчеркивая, что только страны Запада могут считаться истинными демократиями.

Российский политолог И. Звягельская предложила именовать политические режимы стран региона как «гибридные» [3], что по сути является синонимом формулировке «нелиберальная демократия». Однако, справедливо отмечает итальянский профессор Анжела Ди Грегорио о том, что термин «нелиберальная демократия» вызывает путаницу и затруднения в концептуализации, поскольку он применяется как к режимам, которые утратили свою демократическую сущность, опираясь лишь на свою стабильность, так и к режимам,

давно стабилизировавшимся и сочетающим в себе демократические и авторитарные элементы [4]. Следовательно, целесообразно рассуждать о разнообразии типов политических режимов, к которым эволюционировали страны региона в процессе демократического транзита.

Особый стиль правления сложился в Казахстане, где сильная президентская власть обеспечивала стране стабильность и процветание. По мнению казахстанского политолога Д. Ашимбаева политический режим первого президента Казахстана следует отнести к просвещенному авторитаризму, т.к. Н. Назарбаев обеспечивал мир, стабильность, прогресс и обладал моральным авторитетом³. Модель управления государством при Н. Назарбаеве предполагала, что приоритетом должно стать экономическое развитие. Для Н. Назарбаева сингапурский реформатор Ли Куан Ю бы примером личного вдохновения, с которым экс-президент Казахстана был во многом солидарен. Например, оба считали, что демократия и политический плюрализм лишь только отвлекали внимание тогда, когда следовало сконцентрироваться на экономическом развитии [5]. Исходя из этого, режим Н. Назарбаева можно отнести и к «мягкому авторитаризму». Этому стилю правления в настоящее время следует К.Ж. Токаев. Не случайно, в мае 2024 г., выступая с лекцией в Сингапуре нынешний президент Казахстана отметил, что программа «Справедливый Казахстан» (предвыборная программа К.Ж. Токаева) по своим целям и принципам имеет схожесть с программой «Вперед, Сингапур»⁴.

³ Ашимбаев Д, Сильная власть и развитие Казахстана. URL: <https://time.kz/blogs/hocu-skazat/2020/05/13/daniyar-ashimbaev-silnaya-vlast-i-razvitie-kazahstana> (дата обращения: 21.08.2024).

⁴ Токаев выступил в Сингапуре с лекцией «Казахстан и роль средних держав: продвигая безопасность, стабильность и устойчивое развитие». URL: <https://www.newscentralasia.net/2024/05/26/tokayev-vystupil-v-singapore-s-lectsiyev-kazahstan-i-rol-srednikh-derzhav-prodvigaya-bezopasnost-stabilnost-i-ustoychivoye-razvitiye/> (дата обращения: 20.08.2024).

В Узбекистане реализуется форма патерналистского авторитаризма, которая была характерна как для периода правления И. Каримова, так и для действующего президента Ш. Мирзиёева. Однако если И. Каримов позиционировал себя в качестве «защитника» населения от внешних угроз, считая главным приоритетом обеспечение национальной безопасности государства, то Ш. Мирзиёев придерживается нового типа патернализма, в основе которого лежит забота о будущем поколении и подготовка высококвалифицированных кадров, что особенно важно в условиях либерализации и технологизации узбекской экономики. Так, в 2023 г. в своей предвыборной программе, состоящей из пяти стратегических пунктов, Ш. Мирзиёев одним из главных направлений обозначил «создание наиболее подходящих условий для реализации каждым человеком его потенциала»⁵. Таким образом, главными драйверами экономического роста Узбекистана в соответствии с предвыборной программой Ш. Мирзиёева должны были стать образование, здравоохранение, наука и современные технологии [6].

В Киргизии, будучи парламентско-президентской, а с 2021 г. являющейся президентской формой правления, укрепляются авторитарные тенденции. В стране сложился тандем «Жапаров-Ташиев» благодаря которому удается поддерживать внутреннюю стабильность и консолидировать власть. В этом политическом дуэте главную роль

играет президент страны С. Жапаров, которого киргизские эксперты охарактеризовали как политического тяжеловеса, определяющего судьбу страны⁶. Политический порядок в Киргизии по своим признакам больше соответствует консультативному авторитаризму. В таком типе политического режима особую роль играет популистский лидер, который допускает «консультации» с народом для оценки уровня поддержки, для сбора информации и легитимации режима [7]. Так, в 2023 г. впервые в истории президент Киргизии С. Жапаров обратился к народу за советом о том, как назвать новое здание Администрации президента⁷. Кроме того, посредством внедрения новой государственной идеологии верховная власть пытается повысить свою легитимность [8]. Более жесткая оценка правлению С. Жапарова дается западными исследователями, которые отмечают, что политический стиль С. Жапарова по консолидации автократической власти отражает более широкие тенденции к этнонационализму, нативизму и популизму⁸.

Учитывая особую роль Э. Рахмона в политической системе Таджикистана, стиль его правления можно охарактеризовать как персоналистский авторитаризм. В результате «модернизации» в Таджикистане сформировался жёсткий институциональный дизайн - иерархия политических и общественных институтов во главе которой находится харизматичный лидер [9]. В Таджикистане Э. Рахмон позиционируется как лидер

⁵ Предвыборная программа Шавката Мирзиёева состоит из 5 основных направлений. URL: <https://uznews.uz/posts/65209> (дата обращения: 18.08.2024).

⁶ Корганбаев М. «Третьим силам все неймется разрушить тандем Жапаров-Ташиев». URL: https://www.vb.kg/doc/437071_tretim_silam_vse_neymetsia_razryshit_tandem_japarov_tashiev.html (дата обращения: 22.08.2024).

⁷ Садыр Жапаров советуется с народом, как назвать новое здание Администрации президента. URL: <https://vesti.kg/obshchestvo/item/115926-sadyr-zhaporov-sovetuetsya-s-narodom-kak-nazvat-novoe-zdanie-administratsii-prezidenta.html> (дата обращения: 22.08.2024).

⁸ Zehrunig H. New Wave Authoritarianism in Kyrgyzstan. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-tu.ru.11593b67-66c86e17-499e4198-74722d776562/https/thediplomat.com/2023/05/new-wave-authoritarianism-in-kyrgyzstan/ (дата обращения: 22.08.2024).

нации, гарант стабильности и безопасности благодаря которому в стране после гражданской войны установился мир и согласие [10]. В странах с персоналистским режимом правления любые решения принимаются исключительно лидером, а оппозиционные фигуры, которые иногда появляются в его окружении, практически не имеют возможности реализовать успешные реформы [11]. Конструктивная оппозиция в Таджикистане отсутствует, однако все же есть некоторое критики режима, представляющие для него реальную политическую угрозу. Так, в 2024 г. в Таджикистане был арестован известный таджикский оппозиционер Шокирджон Хакимов, который критиковал действующую власть⁹.

За годы фасадной модернизации или имитированного демократического транзита в более традиционном Туркменистане (по сравнению с другими странами региона) произошел переход от тоталитарного режима к авторитаризму. Туркменский авторитаризм также можно причислить к персоналистским режимам, однако в более гипертрофированном виде. При этом персоналистский режим в Туркменистане стоит на доминировании не национального, а лично-ориентированного дискурса, который формируется вокруг одной персоны, в данном случае вокруг главы государства, повышая его легитимность. Так, будучи президентом Туркменистана Г. Бердымухамедов позиционировал себя в качестве спортсмена, велосипедиста, рэпера и наездника [5]. Несмотря на смену власти в Туркменистане, которая произошла в 2022 г. и новым президентом стал Сердар Бердымухамедов, реальные рычаги власти находятся в руках председателя

Халк Маслахаты, которым является бывший президент Туркменистана, т.е. Г. Бердымухамедов.

Причисление политических режимов стран Центральной Азии к тому или иному типу авторитаризма является достаточно условным и во многом зависит от того политика, который находится у власти. На тех или иных этапах исторического развития отдельные черты и признаки вышеуказанных типов могут наблюдаться во всех странах региона. Например, на современном этапе характерные черты персоналистского режима можно наблюдать во всех странах Центральной Азии, включая Киргизию, в которых выстроена сильная властная вертикаль и все рычаги влияния находятся в руках главы государства.

На наш взгляд, понятие авторитарный конституционализм больше подходит к характеристике центральноазиатских политических моделей, т.к. «речь идет о промежуточных формах между авторитаризмом и демократией, в которых конституционные механизмы либерально-демократической формы правления существуют внутри контекста ослабленного плюрализма и сильного общественного контроля» [4]. Пожалуй, именно этот политический дизайн свойственен центральноазиатским системам, в которых существует плюрализм, ограниченный централизованной властью и неразвитое гражданское общество.

«РЕФОРМАТОРСКАЯ ПОЛИТИКА» Ш. МИРЗИЁЕВА И К.Ж. ТОКАЕВА

На современном этапе по широте и глубине реформаторской политики в странах Центральной Азии выделяются два государства – Узбекистан и Казахстан. Одним из главных императивов для проведения

⁹ В Душанбе задержан зампред СДПТ Шокирджон Хакимов. URL: <https://rus.ozodi.org/a/v-dushanbe-zaderzhan-zampred-sdpt-shokirdzhon-hakimov/33041424.html> (дата обращения: 20.08.2024).

реформ стало стремление обоих лидеров сохранить стабильность и не допустить внутреннего хаоса. Так, Ш. Мирзиёев пришел к власти после неожиданной смерти И. Каримова. Отсутствие в стране опыта транзита власти могло ввергнуть Узбекистан в серьезный внутривластный кризис. Однако Ш. Мирзиёев не только смог найти общий язык с политической элитой, но и разработал стратегию полного реформирования страны [12]. События января 2022 г., когда Казахстан впервые в своей независимой истории столкнулся с масштабным политическим кризисом, побудили К.Ж. Токаева переосмыслить произошедшие события и взять курс на либерализацию экономики и политической жизни страны.

Начиная с 2016 г. Узбекистан встал на путь кардинальных внутривластных и внешнеполитических преобразований, сопровождающиеся укреплением международного положения страны и привлечением инвесторов. Благодаря либерализации, начатой президентом страны Ш. Мирзиёевым, Узбекистан вышел на траекторию устойчивого экономического роста. В соответствии с докладом Международного валютного фонда¹⁰, по темпам экономического роста Узбекистан опережает Казахстан (4,6%), Кыргызстан (3,4%) и Туркменистан (2,5%), но пока отстаёт от Таджикистана (6,5%). Интересно, что Таджикистан, являясь самой бедной страной в регионе, имеет самые высокие темпы экономического роста, что обусловлено проводимой в стране экономической модернизацией, направленной

на улучшение делового и инвестиционного климата, усовершенствованием энергетического сектора¹¹.

Реформы затронули все сферы жизнедеятельности общества, при этом ключевую роль по-прежнему продолжала играть исполнительная власть. Например, еще в 2021 г. парламент Узбекистана был обновлен только на 4/5 части, однако в органах исполнительной власти увеличилась представленность женщин с 3,4 % до 16 %¹². Между тем, в соответствии с новыми поправками в Конституцию, принятыми в 2023 г. на всенародном референдуме, изменились сроки пребывания на посту президента Узбекистана. Во-первых, этот срок увеличился с 5 до 7 лет, а, во-вторых, занимать президентский пост разрешено не более двух сроков подряд. Сроки, победившего в том же году на выборах президента, Ш. Мирзиёева, который набрал 87,05% голосов, в соответствии с новыми конституционными поправками обнулились. Это означает, что Ш. Мирзиёев будет находиться у власти до 2030 г. и затем сможет еще раз переизбраться на второй срок. Как известно, такая практика обнуления сроков характерна для большинства политических режимов на пространстве СНГ. Во всех странах Центральной Азии такая тенденция сохранится, когда властвующая элита «будет стремиться сохранить свою власть либо через продление своего срока пребывания, либо через конституционные механизмы» [13].

В соответствии с обновленным вариантом Конституции Узбекистана от 2023 г.

¹⁰ World Economic outlook 2023. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023> (дата обращения: 20.08.2024).

¹¹ Табах А., Прокудин А., Подругина А. Макроэкономическая ситуация в странах Центральной Азии: как Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан переживают последствия пандемии COVID-19. URL: https://raexpert.ru/researches/int_fin/central_asia_2021/ (дата обращения: 18.08.2024).

¹² Рахимова Д. Эволюция государственного управления в Узбекистане. URL: <https://review.uz/post/evolyuciya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-uzbekistane> (дата обращения: 17.08.2024).

предусмотрено расширение полномочий парламента, однако незначительно, и президента. Новые полномочия парламента включают заслушивание ежегодного национального доклада о борьбе с коррупцией, определение максимальной суммы государственного долга, проведение парламентского расследования. Кроме того, предполагается изменить принцип формирования Сената: теперь от каждого региона страны, столицы и Каракалпакстана будут выдвигаться не по 6, а по 4 депутата, а глава государства имеет право назначать не 16 сенаторов, а только 9¹⁵. Что касается полномочий президента, то по новой Конституции он будет вправе назначать досрочные выборы главы государства Узбекистана. Однако кандидатура премьер-министра страны будет предлагаться президентом после проведения консультаций со всеми фракциями политических партий, а не только с партией, которая набрала наибольшее количество депутатских мест на парламентских выборах.

Январский кризис в Казахстане подтолкнул К.Ж. Токаева к проведению масштабных экономических и политических реформ, направленных на укрепление собственной власти в контексте поддержания стабильности в стране. Кризис ознаменовал конец «двоевластия» и начало отстранения от власти родственников и сторонников Н. Назарбаева. Этот процесс получил название «деназарбаевизация»¹⁴. Для К.Ж. Токаева первостепенное значение

имело избавление от нелояльных кадров и формирование вокруг себя новой преданной политической команды.

После январских трагических событий 16 марта 2022 г. К.Ж. Токаев выступил с Посланием к народу Казахстана, в котором были отмечены основные направления трансформации политической модели развития страны¹⁵. Предполагалось, положить конец традиции монополизации верховной власти, укрепить представительную демократию, модернизировать избирательную систему и электоральный процесс, активизировать «конструктивное партнерство между государством и обществом»¹⁶.

С целью заручиться поддержкой своего курса со стороны народа в июне 2022 г. в Казахстане был проведен референдум о поправках в Конституцию. За поправки в Основной закон страны проголосовало 77,18 % населения при явке 68,05%. Поддержка большинства населения на референдуме придала уверенности К.Ж. Токаеву и сориентировала его на дальнейшие действия по усилению своих позиций в стране. В 2022 г. на досрочных выборах президента К.Ж. Токаев победил, набрав 81,31 % голосов. По мнению политолога Д. Ашимбаева, такая поддержка была продиктована тем, что народ увидел в К.Ж. Токаеве сильного и жесткого национального лидера¹⁷.

В 2023 г. в Казахстане прошли выборы в парламент по смешанной системе в соответствии с новым законодательством.

¹⁵ Данзанов Б. Реформы в Узбекистане: новый этап политического развития республики. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/06/29/reformy-v-uzbekistane-novyj-etap-politicheskogo-razvitiya-respubliki/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁴ Петров И. В Казахстане началась масштабная «деназарбаевизация». URL: <https://www.osnmedia.ru/world/v-kazahstane-nachalas-masshtabnaya-denazarbaevizatsiya/> (дата обращения: 21.08.2024).

¹⁵ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. Новый Казахстан: путь обновления и модернизации. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Эксперт объяснил, что повысило поддержку Токаева. URL: <https://ria.ru/20221121/tokaev-1833005843.html?in=L> (дата обращения: 22.08.2024).

По мнению экспертов, для Казахстана эти выборы стали большим шагом вперед в процессе трансформации политической системы и создание условий для плюрализма и конкуренции¹⁸. По результатам выборов в парламент Казахстана прошло шесть партий, среди которых лидирующие позиции заняла партия «Аманат», набравшая 53,9% голосов¹⁹. При этом еще в 2022 г. К.Ж. Токаев объявил о своем уходе с поста председателя данной партии в соответствии с новой Конституцией страны.

Одной из причин январского кризиса в Казахстане стал высокий уровень недовольства среди населения действующей властью, о чем свидетельствовали выдвигаемые с их стороны требования о снижении цен на продукты, искоренение безработицы, отставка правительства и парламента²⁰. Снизить уровень социального недовольства предполагалось посредством не только демократизации политической системы, но и либерализации экономики. К.Ж. Токаевым был объявлен переход на новую парадигму экономического развития, подразумевающую снижение роли государства в экономике страны. В этой связи резко возрастает риск атомизации общества и обострение социального неравенства. Справедливо отмечают исследователи, что ключевым является вопрос, подходит ли Казахстану либеральная модель экономической политики или следует перейти к более патерналистской модели с широким набором институциональных регуляторов, необходимых для снижения

социального напряжения [14]. На наш взгляд, наиболее оптимальным вариантом мог бы стать поиск баланса между патерналистской и либеральной моделью развития.

Несмотря на всю разницу в реформаторской политике президентов Узбекистана и Казахстана, оба заинтересованы в укреплении личной власти и создании условий для стабильного развития своих национальных государств. Однако глобальная турбулентность бросает вызов политическим лидерам стран Центральной Азии и создает серьезные риски, которые могут зажать в тиски авторитарные политические системы стран региона.

РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЯ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

В условиях жёсткой глобальной геополитической конфронтации резко возросла вероятность осуществления «цветных революций» в странах Центральной Азии, геостратегическое значение которых делает их объектом пристального внимания со стороны ведущих центров силы мировой политики. Например, справедливо отметил эксперт из Киргизии по вопросам национальной безопасности Т. Джумадылов, что «коллективному Западу во главе с США на фоне бесперспективности победы над Россией на Украине выгодно «поджигать» государства бывшего СССР»²¹.

В странах Центральной Азии наиболее уязвимыми перед «цветными революциями» являются Киргизия и Таджикистан. Так, с момента прихода к власти

¹⁸ «Шанс попасть в парламент был у любого кандидата, и это отличие Нового Казахстана» – эксперт. URL: <https://newtimes.kz/vybory-2023/166252-shans-popast-v-parlament-byi-u-lyubogo-kandidata-i-eto-otlichie-novogo-kazahstana-eksperty> (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁹ ЦИК Казахстана опубликовал итоги выборов в парламент. URL: <https://ria.ru/20230527/kazakhstan-1860829529.html> (дата обращения: 23.08.2024).

²⁰ Протесты захлестнули весь Казахстан: люди требуют отставки правительства. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/01/04/14385895.shtml?updated> (дата обращения: 20.08.2024).

²¹ Западу позарез нужен второй фронт — эксперты о подготовке к захвату власти в КР. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240711/front-mneniya-eksperty-popytka-zahvat-vlast-kyrgyzstan-1086927754.html> (дата обращения: 20.08.2024).

С. Жапарова на волне третьей революции, произошедшей в Киргизии в 2020 г., власти сообщали уже три раза о попытках государственного переворота в стране. Первый раз об этом было объявлено в ноябре 2021 г. накануне выборов в киргизский парламент (Жогорку Кенеш). По данным спецслужб захват власти планировала осуществить группа молодых людей, недовольных существующим политическим режимом в Киргизии²². Об очередном готовившемся захвате власти было объявлено в начале лета 2023 г. Тогда пресс-центр ГКНБ распространил информацию, что в Кыргызстане предотвратили «массовые беспорядки и акции неповиновения в целях последующего насильственного захвата власти»²³. В ходе задержания было арестовано более 30 человек, среди которых представители гражданского общества, ранее критиковавшие власть²⁴. Курс на дезактивацию оппонентов продолжился. 2 сентября 2023 г. в Киргизии был арестован оппозиционный политик, лидер партии «Бутун Кыргызстан» Адахан Мадумаров, которого объявили в государственной измене²⁵.

В июле 2024 г. в третий раз киргизские спецслужбы заявили о том, что в Киргизии был предотвращен государственный переворот. В отличие от первых двух, этот захват власти готовился основательно, т.к. у задержанных нашли внушительный

арсенал оружия²⁶. Возможно, организаторами готовившегося переворота могли быть боевики, вернувшиеся в Киргизию из Сирии. В целом, в трех попытках свержения действующей власти в Киргизии можно заметить применение технологий «цветных революций». Во-первых, основными участниками, как заявлено спецслужбами, являются представители либо молодежи, либо оппозиции. Во-вторых, организаторами могли выступить экстремистские и террористические группировки, которые планировали разжечь огонь протеста в стране. В-третьих, несмотря на то, что в Киргизии в 2024 г. был принят закон об НПО, который, однако, нацелен на то, чтобы не свернуть деятельность этих структур, а сделать ее максимально прозрачной²⁷, возможными организаторами могли стать западные НПО, действующие в Киргизии (по словам аналитиков, в стране их зарегистрировано около 22 тыс.).

Летом 2024 г. в Таджикистане, где готовится транзит власти по «семейной» модели, был предотвращен государственный переворот. По официальной версии, организатором был объявлен депутат нижней палаты и экс-глава Демократической партии Саиджафар Усмонзода. Это событие положило начало арестов других высокопоставленных фигур, таких как бывший глава МИД Хамрохон Зарифи,

²² В Кыргызстане готовили госпереворот: кто хотел свергнуть Жапарова. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20211126/kyrgyzstan-gosperevorot-predotvraschenie-1043776585.html> (дата обращения: 20.08.2024).

²³ В Бишкеке предотвратили «массовые беспорядки и захват власти». URL: <https://www.mk.kg/incident/2023/06/06/v-bishkeke-predotvratili-massovye-besporjadki-i-zakhvat-vlasti.html> (дата обращения: 20.08.2024).

²⁴ В Кыргызстане по делу о подготовке переворота арестована глава партии. URL: <https://www.svoboda.org/a/v-kyrgyzstane-po-delu-o-podgotovke-perevorota-arestovana-glava-partii/32448814.html> (дата обращения: 23.08.2024).

²⁵ Короткова Е. В Кыргызстане по обвинению в госизмене задержан оппозиционный депутат и партийный лидер Адахан Мадумаров. URL: <https://www.kp.kg/daily/27550.5/4817871/> (дата обращения: 20.08.2024).

²⁶ Много оружия и военный билет депутата ЖК — что еще нашли у готовивших переворот. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240706/voennyiy-bilet-deputat-gosperevorot-oruzhiye-gknb-video-1086768729.html> (дата обращения: 21.08.2024).

²⁷ Жогорку Кенеш принял законопроект об НКО/НПО во втором чтении. URL: <https://ru.sputnik.kg/20240222/kyrgyzstan-npo-zakonoproekt-vtoroe-chtenie-1082889732.html> (дата обращения: 23.08.2024).

бывший председатель Верховного совета Акбаршо Искандаров, заместитель председателя Социал-Демократической партии Таджикистана (СДПТ) Шокирджон Хакимов, зампред Демократической партии (ДПТ) Ахмадшох Комилзода. Сложно сказать была ли это действительно попытка государственного переворота или же президент Таджикистана продолжает укреплять властную вертикаль, и создает мирные условия для передачи власти своему сыну Рустаму Эмомали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический дизайн стран Центральной Азии характеризуется авторитарными чертами, однако в каждой стране можно наблюдать свой тип политического режима: в Казахстане – «мягкий авторитаризм», в Узбекистане – патерналистский авторитаризм, в Киргизии – консультативный авторитаризм, в Таджикистане – персоналистский авторитаризм с национальным дискурсом, в Туркменистане – персоналистский авторитаризм с лично-ориентированным дискурсом. Складывается парадоксальная ситуация, когда страны региона вроде бы и разные по типу политических систем и по уровню экономического развития, но в то же время их объединяет много общего: под фасадом демократического транзита идет процесс укрепления авторитарных тенденций. Это позволяет охарактеризовать их политические режимы как авторитарный конституционализм.

В ряде стран Центральной Азии, Узбекистане и Казахстане, политический процесс развивается динамично, что доказывает переход этих стран на новую стадию развития политических систем. В этих государствах предприняты глубокие экономические и политические реформы. Благодаря экономической либерализации

политическое руководство двух стран создало благоприятные условия для инвесторов и укрепило национальную конкурентоспособность. Однако даже несмотря на эти глубокие изменения, в политической жизни этих стран особую роль продолжит играть глава государства, концентрируя в своих руках всю полноту власти. При этом Казахстан взял курс на серьезную политическую трансформацию, направленную на укрепление роли парламента в системе власти и достижения равновесия властей. Насколько решительно Казахстан готов двигаться по данной траектории, выстраивая представительную демократию, покажет время.

На фоне глобальной геополитической турбулентности резко возросла вероятность расшатывания внутривнутриполитической обстановки в странах Центральной Азии, которые сталкиваются с системными экономическими и социальными проблемами как коррупция, безработица, низкий уровень жизни населения. Эти проблемы могут стать детонатором общественных протестных движений – пикетов, митингов, демонстраций, которыми могут воспользоваться внешние силы. Вероятность такого сценария, чреватого политической нестабильностью, побуждает одних политических лидеров стран региона (Казахстан, Узбекистан) проводить реформы и конструировать такой политический режим, который более или менее пропорционально отражает экономическую реальность и социальные потребности, а других (Киргизия, Таджикистан) – прибегать к методам «закручивания гаек», расчищать пространство от политической оппозиции. В обоих случаях это приводит к укреплению режима личной власти глав государств стран Центральной Азии, а, следовательно, президент по-прежнему будет оставаться на вершине властной

иерархии. Однако, как показывают результаты последних президентских выборов в Узбекистане и президентских и парламентских выборов в Казахстане,

в этих обществах существует запрос на сильную власть, способную обеспечить общественно-политический порядок и стабильность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лаумулин М. С. К вопросу о формировании постсоветской государственности в Средней (Центральной) Азии. *Контуры глобальных трансформаций*. 2016;9(5): 95-113.
2. Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий. *Логос*. 2004;2(42):55-70.
3. Звягельская И. Д. Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные тренды в региональном исполнении. Москва: Издательство «Аспект Пресс»; 2018. 224 с.
4. Ди Грегорио А. Кризис современной демократии и появление новых промежуточных категорий между демократией и авторитаризмом. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2020;3:26-33. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.017>
5. David G. Lewis. Varieties of Authoritarianism in Central Asia. *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia*. Routledge; 2021. P. 478.
6. Ионова Е. Итоги президентских выборов в Узбекистане: экономический и политический курс Ш. Мирзиёева. *Россия и новые государства Евразии*. 2021;4:97-114. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-4-97-114>
7. Харитоновна О.Г., Кудряшова И.В. Политические режимы и режимные изменения в пене популистской волны. *Политическая наука*. 2022;1:224-244. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.10>
8. Жапаров С. Жаңы Кыргызстанды куруунун багыты (идеологиясы). Бишкек: «Принт-Экспресс»; 2023. 136 с.
9. Хадыров Р.Ю. Институциональная модель политической системы Таджикистана: иерархия и специфика институтов. *Международные отношения*. 2023;1:12-19. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.1.39684>
10. Шарифзода А., Шарифзода М.Т. Роль лидера нации в развитии экономики Таджикистана. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук*. 2018;4(77):5-15.
11. Харитоновна О.Г. Политические режимы и режимные изменения в зеркале научного дискурса. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2017;19(4):379-391. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-379-391>
12. Пахрутдинов Ш.И. Узбекистан: ответственность за устойчивое развитие и интенсивность ускоренных изменений. Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г. Москва: МПГУ; 2019. 472 с.
13. Жильцов С.С. Центральная Азия: особенности политического развития. *Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2020;1(23):143-160.
14. Бирюков С.В., Чирун С.Н., Андреев А.В., Рахимжанова Д.А. Политический кризис в Казахстане: истоки, текущее состояние, перспективы развития и урегулирования. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023;71:225-236. <https://doi.org/10.17223/1998863X/71/21>

REFERENCES:

1. Laumulin M. S. On the question of the formation of post-Soviet statehood in Central Asia. *Contours of global transformations*, 2016;9(5):95-113. (In Russ.)
2. Zakaria F. The emergence of illiberal democracies. *Logos*. 2004;2(42):55-70. (In Russ.)
3. Zvyagelskaya I. D. The Middle East and Central Asia: Global trends in regional execution. Moscow: Aspect Press; 2018. 224 p. (In Russ.)
4. Di Gregorio, A. The crisis of modern democracy and the emergence of new intermediate categories between democracy and authoritarianism. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2020;3:26-33. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.017>
5. David G. Lewis. Varieties of Authoritarianism in Central Asia. Routledge Handbook of Contemporary Central Asia. Routledge; 2021. P. 478. (In Russ.)
6. Ionova E. The results of the presidential elections in Uzbekistan: the economic and political course of Sh. Mirziyoyev. *Russia and the new states of Eurasia*. 2021;4:97-114. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-4-97-114> (In Russ.)
7. Kharitonova O.G., Kudryashova I.V. Political regimes and regime changes in the foam of the populist wave. *Political Science*. 2022;1:224-244. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.10> (In Russ.)
8. Zharparov S. Zhanу Kyrgyzstand kuruunun bagyty (ideologiyasy). Bishkek: Print-Express; 2023. 136 p. (In Russ.)
9. Khadyrov R.Y. The institutional model of the political system of Tajikistan: hierarchy and specificity of institutions. *International Relations*. 2023;1:12-19. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.1.39684> (In Russ.)
10. Sharifzoda A., Sharifzoda M.T. The role of the leader of the nation in the development of the economy of Tajikistan. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. The Humanities series*. 2018;4(77): 5-15. (In Russ.)
11. Kharitonova O.G. Political regimes and regime changes in the mirror of scientific discourse. *Bulletin of the RUDN. Series: Political Science*. 2017;19(4):379-391. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-379-391> (In Russ.)
12. Pakhrutdinov S.I. Uzbekistan: responsibility for sustainable development and the intensity of accelerated changes. Trajectories of Russia's political development: Institutes, projects, actors: materials of the All-Russian Scientific conference RAPN. Moscow: MPSU; 2019. 472 p. (In Russ.)
13. Zhiltsov S.S. Central Asia: features of political development. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World*. 2020;1(23):143-160. (In Russ.)
14. Biryukov S.V., Chirun S.N., Andreev A.V., Rakhimzhanova D.A. The political crisis in Kazakhstan: origins, current state, prospects for development and settlement. *Bulletin of Tomsk State University, Philosophy, Sociology, Political science*. 2023;71:225-236. <https://doi.org/10.17223/1998863X/71/21> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Г. Гарбузарова

Доктор политических наук, Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызстан; 720065, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44; play_elenag@mail.ru

Elena G. Garbuzarova

Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavic university, Bishkek, the Kyrgyz Republic; bld. 44, Kievskaj Str., Bishkek, 720065, the Kyrgyz Republic; play_elenag@mail.ru

Эволюция внешней политики Казахстана

Алексей В. Мамедов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

alex.mamedo@yandex.ru

Аннотация: внешняя политика Казахстана начала формироваться после распада СССР. Новые геополитические условия поставили перед государством новые задачи. Возникла необходимость осмысления и выработки новых подходов к реализации внешнеполитического курса. Особенностью внешней политики Казахстана стало расширение отношений с внерегиональными государствами при сохранении экономических и политических отношений с бывшими советскими республиками. В статье сделан вывод, что внешнеполитический курс складывался под влиянием экономического развития Казахстана, внутривнутриполитических процессов, а также под сильным воздействием внешнего фактора. Это нашло отражение в основополагающих документах, которые были приняты в Казахстане в последующие десятилетия. В статье выявлены основные этапы внешней политики Казахстана, определены факторы, определившие развитие государства. Сделан вывод, что политика Казахстана носила сбалансированный характер, который отражал экономические и политические возможности страны. В последние десятилетия внешняя политика Казахстана находилась под возросшим влиянием внерегиональных акторов, которые проявляют повышенное внимание к Центральной Азии и центральноазиатским государствам.

Ключевые слова: Казахстан, Центральная Азия, внешняя политика, внерегиональные акторы, Китай, Россия

Для цитирования: Мамедов А. В. Эволюция внешней политики Казахстана. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(4):325–332. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-325-332>

Поступила 25.07.2024

Принята в печать 24.11.2024

Опубликована 30.12.2024

Evolution of Kazakhstan's foreign policy

Aleksey V. Mamedov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

alex.mamedo@yandex.ru

Abstract: Kazakhstan's foreign policy began to take shape after the disintegration of the USSR. Changed geopolitical conditions set new tasks for the state. It became necessary to elaborate new approaches to external affairs. The peculiarity of Astana's diplomacy was the expansion of relations with non-regional states while maintaining economic and political ties with the former Soviet republics. The article concludes that the foreign course of Kazakhstan was established under the influence of country's economic development, its internal political processes and external factors. These aspects were reflected in the fundamental documents that were adopted in Kazakhstan in the following decades. The research highlights the main stages of Astana's foreign policy and identifies the factors that determined the development of the state. In addition, it is concluded that the diplomacy of Kazakhstan was characterized by a balanced approach, which took into consideration the economic and political opportunities of the country. In recent decades, Astana's foreign policy has been under the increased influence of non-regional actors, which show growing attention to Central Asia and the states of the area.

Key words: Kazakhstan, Central Asia, foreign policy, non-regional actors, China, Russia

For citation: Mamedov A.V. Evolution of Kazakhstan's foreign policy. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(4):325-332. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-325-332>

Received 23.07.2024

Revised 24.11.2024

Published 30.12.2024

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР Казахстан приступил к формированию внешнеполитического курса. На первом этапе своего независимого развития власти страны стали разрабатывать основы внешней политики в новых геополитических условиях. Положительным фактором, который давал Казахстану надежды на успешное развитие, выступал экономический потенциал и природные ресурсы. После распада СССР Казахстан располагал современными, на тот момент, предприятиями в разных секторах экономики. Кроме того, на территории страны были месторождения различных природных ископаемых, которые привлекали внимание, в том числе, внерегиональные государства. Наличие значительных запасов нефти и газа позволяло новым властям Казахстана строить

амбициозные планы, связанные с развитием национальной экономики. В тоже время, казахстанские власти должны были учитывать и ряд факторов, которые оказывали значительное влияние на внешнеполитический курс. Прежде всего, наличие двух ближайших соседей – России и Китая, от политики которых сильно зависел Казахстан. Кроме того, сказывалась транспортно-логистическая удаленность страны от основных рынков сбыта, что вносило коррективы в подходы к разработке и реализации внешней политики. Сложными были отношения с ближайшими соседями по Центральной Азии, в «наследство» от СССР достались проблемы в Каспийском регионе. Все это в совокупности оказало влияние на подходы к проведению внешней политики.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Выработку внешней политики, ее концептуальных основ после распада СССР затрудняла общая эйфория, в которой пребывали лидеры всех постсоветских государств. Курс на сближение с Западом, установление новых партнерских отношений, а пример этому подавала Россия, - все это предопределяло подходы в новых независимых государствах, в том числе, и Казахстана. По этой причине, новые власти уделяли большое внимание расширению внешнеполитических контактов с внерегиональными акторами, видя в них потенциальных равных партнеров, готовых способствовать развитию Казахстана.

Тем не менее, несмотря на имеющееся понимание внешнеполитических приоритетов, планомерная работа над разработкой концептуального документа началась лишь в 1993 году. То есть 1992 год страна реализовывала внешнюю политику исходя из интуитивно-ситуативного понимания геополитической ситуации и национальных приоритетов. Однако достаточно поздно приступив к столь важной задаче, Казахстан не сумел в сжатые сроки разработать целостный документ. Причин было несколько. С одной стороны, отсутствие необходимого опыта разработки подобных документов, отсутствие опытных кадров. Однако ключевой проблемой являлась стремительно меняющаяся геополитическая ситуация в мире, не позволяющая четко определить характер и динамику изменений, а также определить внешнеполитические приоритеты нового государства. В итоге, лишь к 1995 году в Казахстане смогли разработать концептуальный документ, который заложил основы внешней политики на последующие годы. До этого времени внешняя политика Казахстана осуществлялась в условиях развития новых отношений внерегиональными

государствами и постсоветскими странами, в условиях нарастания проблемы в экономике и обострения ключевых нерешенных противоречий в Центральной Азии и Каспийском регионе.

В результате, первая редакция Концепции внешней политики Казахстана была принята в 1995 году. В ней была заложена идея выстраивать многовекторную дипломатию, прежде всего, с ближайшими соседями. Концепции внешней политике предшествовало принятие Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства. В документе подчеркивалось, что «с получением независимости, решая проблемы самостоятельного вхождения в мировую экономику и международное сообщество, страна должна иметь разумную и взвешенную дипломатию» [1].

В 1995 году в МИД Казахстана была проведена расширенная коллегия. На данном мероприятии, в которой принял участие глава государства, вновь подчеркивались задачи внешней политики Казахстана, которые ориентировались на реализацию многовекторной политики.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В XXI ВЕКЕ

В 90-е годы XX века Казахстан реализовывал внешнюю политику, которая была направлена на расширение сотрудничества. Большое внимание уделялось развитию экономики, прежде всего, нефтегазовому сектору экономики. Соответственно внешняя политика была направлена на укрепление отношений с западными странами, которые поддерживали участие нефтегазового бизнеса в разведке и последующей разработке казахстанских нефтегазовых месторождений. Значительные усилия внешнеполитическое ведомство Казахстана уделяло китайскому вектору,

поскольку Пекин стал одним из основных торгово-экономических партнеров и также вошел в нефтегазовую отрасль страны. В результате, российский и западный вектор внешней политики был уравновешен расширением влияния Китая.

Геополитические изменения требовали внести коррективы в основополагающие документы, определяющие внешнюю политику. В 2000 году в Концепцию внешней политики были внесены коррективы, которые расширили положения прежней редакции, которые конкретизировали региональные направления. Затем, новые изменения были внесены в 2005 году. Это потребовали кардинальные изменений в расстановке сил на постсоветском пространстве, непростые отношения между странами Центральной Азии, а также обострение соперничества между Россией и Западом. К этому периоду более четко стала проявляться политика США на постсоветском пространстве, которая вступила в противоречие с интересами России.

В условиях обострения проблем в мировой экономике, что затронуло и Казахстан, возросло значение экономического фактора во внешней политике. Основные усилия внешнеполитического курса были направлены на отстаивание интересов Казахстана в сфере экономики.

Нарастание проблем в мировой политике и новые тенденции поставили перед Казахстаном задачу уточнения внешнеполитических приоритетов. В итоге, в ноябре 2008 года «на расширенной коллегии МИД Казахстана президент страны поставил задачу разработки новой редакции Концепции внешней политики» [2].

Завершить подготовку новой редакции концепции удалось лишь к 2014 году. Столь длительный период разработки нового документа объяснялся тем, что в это время Казахстан стал ориентироваться

на ряд долгосрочных целей развития государства. По сути, они подменили собой концепцию внешней политики. В частности, Казахстан реализовывал программу «Путь в Европу», которая рассматривалась в качестве внешнеполитического прорыва государства. Одновременно Казахстан провел в 2010 году саммит ОБСЕ, который преподносился как важный внешнеполитический шаг, способный обеспечить внешнеполитический прорыв государства. Помимо этого, в конце 2012 года была опубликована Стратегия «Казахстан-2050», который провозгласил амбициозные планы на перспективу.

Новая редакция концепции внешней политики не отличалась новизной и носила описательный характер. Документу не хватало четкости. В целом, новый документ оказался в «тени» масштабных заявлений и новых программных документов, многие из которых должны были продемонстрировать приверженность курсу на развитие отношений с западными странами, в частности с США.

ПОДГОТОВКА НОВОЙ РЕДАКЦИИ

Изменение геополитической ситуации и окончание действия концепции внешней политики 2014 года поставили перед властями задача разработку новой редакции документа. В 2019 году в Казахстане приступили к подготовке новой редакции концепции, который должен был отражать новые тенденции казахстанской внешней политики и дать ответ на вызовы, с которыми сталкивалось государство.

В марте 2020 года документ был принят. Концепция была рассчитана на период до 2030 года. В нем была дана оценка ситуации в мировой политике: нарастание кризисных тенденций, отход от принципов международного права, нарастание традиционных и появление новых вызовов.

Главный вывод, который был сделан в документе – необходимо придерживаться многовекторной внешней политики, которая должна исходить из прагматических задач государства.

Было отражено положение, согласно которому Казахстан сталкивается с новыми вызовами. В новой редакции внешней политики подчеркивалось, что обостряется конкуренция между государствами, чьи интересы сталкивались в экономической и политической сферах. Данные положения фиксировали нарастающие противоречия в мировой политике и экономике. На этот период пришлось дальнейшее обострение отношений России с Западом, который оказывал прямое давление на российскую сторону, добиваясь ослабления ее экономического потенциала. К этому времени активно продвигался формат БРИКС, который рассматривался многими странами не только в качестве политической альтернативы, но и нового перспективного механизма защиты экономических интересов. По этой причине, оценки, данные в новой редакции внешней политики Казахстана зафиксировали фундаментальные изменения на глобальном уровне. В целом, новая редакция внешней политики отражала стремление государства содействовать становлению стабильного и справедливого мира, реализация многовекторности исходя из прагматических целей, а также преемственность внешней политики.

Наибольший интерес представляли разделы, в которых были сформулированы стратегические цели и внешнеполитические задачи Казахстана. Согласно документу, внешняя политика Казахстана должна была быть направлена на достижение лидирующей позиций в Центральной Азии. Помимо этого, отмечалась необходимость сохранения и развития пред-

сказуемых отношений с зарубежными партнерами. Среди задач, следует отметить «поддержание международного мира и безопасности, реализации гуманитарной дипломатии, усиления мер по защите окружающей среды» [3].

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Фундаментальные изменения в мировой политике, конфронтация между Россией и Западом в определенном степени затрагивала и интересы Казахстана. Обновленный документ, как ожидали в Казахстане, «должен был сохранить важнейшие для современной казахстанской дипломатии принципы внешнеполитической преемственности, многовекторности, предсказуемости, прагматизма, сбалансированности и проактивности» [4]. Соответственно, 19 апреля 2023 года президент Казахстана К.-Ж. К. Токаев «поручил внешнеполитическому ведомству, которое возглавил М.А. Нуртлеу, “обновить” Концепцию внешней политики 2019 г., поскольку она была принята “совершенно в другой геополитической ситуации”» [4].

В последние годы политика страны претерпела значительные изменения. Казахская внешняя политика направлена на продвижение евразийской интеграции и одновременно, ставит задачу по расширению сотрудничества с Китаем и Западом, которые рассматриваются в качестве привлекательных партнеров. Казахстан заинтересован диверсифицировать экономические связи с Китаем, а также наладить с Пекином более тесное взаимодействие в области поставок углеводородных ресурсов.

Страна вынуждена реагировать на давление со стороны Запада, который добивается от политического руководства снижения уровня сотрудничества с Россией и следования в курсе санкционной политики [5]. Это проявляется в заявлениях

официальных лиц. Однако в целом, Казахстан, поддерживая в заявлениях готовность следовать в русле западной политики, в целом, проводит сбалансированный внешнеполитический курс.

Серьезные изменения происходят в водной политике Казахстана. Страна сталкивается с дефицитом водных ресурсов, что негативно отражается на его экономическом развитии. Соответственно Казахстан стремится предпринимать меры, которые снизят остроту проблемы и позволят минимизировать негативное влияние нарастающего дефицита воды. В частности, Казахстан принял участие в проекте, связанным со строительством Камбаратинской ГЭС-1. Киргизии принадлежит 34%, а Казахстану и Узбекистану – по 33%. Общая стоимость проекта по состоянию на конец 2024 года оценивается в 6 млрд. долларов.

Казахстан рассчитывает, что осуществление данного проекта позволит в перспективе решить проблему дефицита водных ресурсов и снять остроту вопросы. Хотя стоимость проекта ставит перед Казахстаном задачу изыскать необходимые средства, которые необходимы для строительства ГЭС.

Помимо этого, Казахстан предпринимает шаги, связанные с разработкой мер, которые снизят сложную ситуацию с водными ресурсами [6]. На это направлено разработка проекта Водного кодекса страны, который был принят парламентом в первом чтении. В документ зафиксированы пять принципов. Среди них подчеркивается, что необходимо осуществлять «комплексное использование поверхностных и подземных вод»¹. Помимо

этого, «для комплексного использования поверхностных и подземных вод, а также воссоздания Национальной гидрогеологической службы предусмотрена передача функции управления подземными водными ресурсами от других уполномоченных и местных исполнительных органов Министерству водных ресурсов и ирригации. Кодекс предусматривает разработку Генерального плана интегрированного управления водными ресурсами и бассейновых планов. Эти документы будут определять цели, задачи, подходы и основные мероприятия исходя из прогнозов наличия водных ресурсов»².

В последние годы Казахстан реализовал проекты, связанные с модернизацией инфраструктуры на побережье Каспийского моря. Были реконструированы объекты, построенные ранее и созданы новые. Это позволило увеличить объемы перевалки грузов, в том числе и транзитных.

Казахстан проявляет интерес к инфраструктуре, которая расшит взаимодействие со странами Центральной Азии, а также позволит увеличить поставки транзитных грузов. Одним из таких проектов выступает Транскаспийский международный транспортный маршрут» (ТМТМ) [7].

Помимо этого, Казахстан увеличивает грузоперевозки с Узбекистаном. Две страны рассчитывают увеличить товарооборот. Одним из основных торговых партнеров Казахстана выступал Узбекистан, товарооборот с которым в 2022 году составил 4,4 млрд. долларов³.

В целом, Казахстан проявляет интерес к расширению торгово-экономического

¹ Мажилис Казахстана принял проект нового Водного кодекса в первом чтении. 29.11.2024 <https://www.ritreurasia.ru/news--2024-11-29--mazhilis-kazahstana-prinjal-proekt-novogo-vodnogo-kodeksa-v-pervom-chtenii-77124> (дата обращения: 29.06.2024)

² Там же

³ Торговля Узбекистана с Казахстаном за 2023 год (инфографика). 09.04.2024. URL: <https://e-cis.info/news/568/117301/?ysclid=m42lfav3qj759127864> (дата обращения: 14.06.2024).

сотрудничества со странами Центральной Азии и Узбекистаном, в частности. В ноябре 2023 года «Узбекистан и Казахстан заключили соглашение о регулировании деятельности международного центра промышленной кооперации «Центральная Азия», который должен стать основой последующего сотрудничества»⁴.

Казахстан стремился диверсифицировать экспорт углеводородных ресурсов, при том, что Россия по-прежнему оставалась основным партнером в осуществлении нефти на внешний рынок. С 2022 года Казахстан проводил курс на расширение географии поставок нефти на внешний рынок. Усилия направлены на увеличение объемов транспортировки нефти через Каспий в Азербайджан и далее – в трубопровод Баку – Тбилиси – Джейхан. Другим направлением является «транспортировка нефти в Германию. Речь идет об увеличении экспорта до 2 млн. т нефти в год»⁵.

Также Казахстан проводит политику, направленную на импорт российского газа. Речь идет о транзите газа из России через казахстанскую территорию в Узбекистан. «Объем поставок

должен составить порядка 2,8 млрд. м³ газа в год»⁶. На юге Казахстана ведется строительство второй ветки газопровода «Бозой - Бейнеу - Шымкент». После того, как работы будут завершены, по «данному газопроводу начнется транспортировка российского газа в Узбекистан»⁷.

Отношения с Россией опираются на растущий товарооборот. Во многом это определялось механизмом разрешенного параллельного импорта в России»⁸. Помимо этого, «Республика также поставляла в РФ такую высокотехнологичную продукцию, как процессоры, контроллеры, карты памяти и смарт-карты» [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, внешняя политика Казахстана реализуется в условиях сохранения давления со стороны Запада и задачами, связанными с развитием национальной экономики. Для этого Казахстан рассчитывает усилить экономическое взаимодействие с Россией и странами Центральной Азии, реализовывать инфраструктурные проекты, а также развивать политические контакты с западными государствами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Токаев К.-Ж. К. Под стягом независимости: очерки о внешней политике Казахстана. Алматы: Білім; 1997. 736 с.
2. Губайдуллина М.Ш. 20 лет в международном сообществе: многовекторный курс Казахстана. *Вестник КазНУ. Серия: междуна-*

⁴ Казахстан и Узбекистан налаживают промышленную кооперацию. 9 ноября 2023. . URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/11/09/kazakhstan-i-uzbekistan-nalazhivayut-promyshlennuyu-kooperaciyu> (дата обращения: 13.05.2024).

⁵ Костерева М. Казахстан обсуждает увеличение поставок нефти в Германию до 2 млн тонн в год. 27 октября 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6309219?ysclid=m6xmk14muc84425971> (дата обращения: 24.05.2024).

⁶ Узбекистан начнет закупать российский газ. 19 июня 2023. URL: <https://www.rbc.ru/business/19/06/2023/6490038c9a794707c729cdef?ysclid=m6xmpo4si126238248> (дата обращения: 24.06.2024).

⁷ Россия восполнит дефицит газа в Казахстане. 4 октября. 2023. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/10/04/rossiya-voсполnit-deficit-gaza-v-kazhastane> (дата обращения: 16.05.2024).

⁸ Казахстан и Узбекистан налаживают промышленную кооперацию. 9 ноября 2023. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/11/09/kazakhstan-i-uzbekistan-nalazhivayut-promyshlennuyu-kooperaciyu> (дата обращения: 13.05.2024).

- родные отношения и международное право. 2011;56:1-8.
3. Курмангужин Р. История независимого Казахстана: внешняя политика. Алматы: ИД “Жибек Жолы”; 2022. 304 с.
 4. Курмангужин Р. С., Чеботарёв А.Е. Дипломатия Республики Казахстан: эволюция внешнеполитических концепций. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023;67(7):74-84.
 5. Жильцов С.С. Политика России в условиях глобальной неопределенности: вызовы и возможности. *Проблемы постсоветского пространства*. 2023;10(1):8-16
 6. Жильцов С.С., Зонн И.С. Роль водных ресурсов в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(3): 228-237
 7. Жильцов С.С. Роль транспортных коридоров в развитии Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(3):188-197. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197>
 8. Каспийский регион в процессах регионализации Евразии: Коллективный научный доклад / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. – Москва: Институт экономики РАН; 2023. 82 с.

REFERENCES:

1. Tokayev K.-Zh. K. Under the Banner of Independence: Essays on the Foreign Policy of Kazakhstan. Almaty: Bilim; 1997. 736 p. (In Russ.)
2. Gubaidullina M.Sh. 20 Years in the International Community: Kazakhstan’s Multi-Vector Course. *Vestnik KazNU. Series: International Relations and International Law*. 2011;56:1-8. (In Russ.)
3. Kurmanguzhin R. History of Independent Kazakhstan: Foreign Policy. Almaty: Zhibek Zholy; 2022. 304 p. (In Russ.)
4. Kurmanguzhin R.S., Chebotarev A.E. Diplomacy of the Republic of Kazakhstan: evolution of foreign policy concepts. *World Economy and International Relations*. 2023;67(7):74-84 (In Russ.)
5. Zhiltsov S.S. Russia’s policy in the context of global uncertainty: challenges and opportunities. *Post-Soviet Issues*. 2023;10(1):8-16 (In Russ.)
6. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. The role of water resources in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(3):228-237 (In Russ.)
7. Zhiltsov S.S. The role of transport corridors in the development of Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(3):188-197. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197> (In Russ.)
8. The Caspian Region in the Processes of Regionalization of Eurasia: Collective Scientific Report / Ed. L.B. Vardomsky. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; 2023. 82 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей В. Мамедов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
alex.mamedo@yandex.ru

Aleksey V. Mamedov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
alex.mamedo@yandex.ru

Внешнеполитическое поведение государства в теории неоклассического реализма: на примере Румынии

Даниела Г. Драган

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
dragan_dana90@yahoo.com

Аннотация: на основе методологического инструментария теории неоклассического реализма в статье анализируется внешняя политика Румынии в период с 1989 г. по 1992 г. В первом разделе рассматриваются основные теоретические установки направления. При сравнении неоклассического реализма с неореализмом выделяются его отличительные постулаты. Во втором и третьем разделе принимается попытка использования трехуровневой модели – международный, государственный, индивидуальный для выявления возможных причин и мотивов в поведении государства, в частности Румынии, на внешней арене. Таким образом, на примере страны проводится сопоставление условий внешней среды (совокупность угроз и вызовов) и реакции (ответов) государства на них, а также мотивации лидера. Автор приходит к выводу, что для анализа внешней политики государства теория применима, так как позволяет выработать объяснения для эмпирических явлений.

Ключевые слова: неоклассический реализм, внешняя политика, Румыния, международная система, государство, внутренняя политика

Для цитирования: Драган Д.Г. Внешнеполитическое поведение государства в теории неоклассического реализма: на примере Румынии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(4):333–344. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-333-344>

Поступила 14.08.2024

Принята в печать 26.09.2024

Опубликована 30.12.2024

The foreign policy behavior of the state in the theory of neoclassical realism: on the example of Romania

Daniela G. Dragan

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,
dragan_dana90@yahoo.com

Abstract: applying the methodological means of neoclassical realism theory, the article analyzes the foreign policy of Romania in 1989–1992. In the first part, the author estimates the main theoretical principles of the theory. When comparing neorealism with neoclassical realism, the main principles of the latter are emphasized. In the second and third parts, the author undertakes an effort to apply a three-tier model – international, state, individual – in order to determine the possible reasons and motives behind a state’s actions, particularly those of Romania, in the international arena. On the example of this country, the author, thus, compares external factors (threats and challenges as a whole) and the state’s responses to them. The leader’s motives (understanding and interpretation of challenges) in the decision-making process are also taken into consideration. The author comes to the conclusion that, when analyzing a country’s foreign policy, the theory can be applied since it allows to explain empirical events.

Key words: neoclassical realism, foreign policy, Romania, international system, state, domestic policy

For citation: Dragan D.G. The foreign policy behavior of the state in the theory of neoclassical realism: on the example of Romania. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(4):333–344. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-333-344>

Received 14.08.2024

Revised 26.09.2024

Published 30.12.2024

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос внешнеполитического поведения государства в теории международных отношений (ТМО) занимает одно из ключевых мест. При этом можно отметить значительную дихотомию в подходах основных парадигм, в частности, обусловленную отставанием тех факторов, которые детерминируют логику поведения государства на внешней арене. Обращение к неоклассическому реализму связано с тем, что с теоретической точки зрения оно представляет своего рода синтез ключевых подходов, разработанных в конце XX в. и выступающих в качестве конкурирующих концепций [1:51]. Основной исследовательский вопрос выбранной научной теории заключен в следующем: почему при одинаковых условиях, сформированных международной средой,

поведение государств разное. Примером такого «выпадающего» поведения является Румыния, на рубеже 1989–1992 годов.

В статье представлены основные концептуальные направления неоклассического реализма и предложено их прикладное применение для выявления особенностей формирования внешней политики Румынии в вышеуказанный период.

МЕТОДОЛОГИЯ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

В оценках отечественных исследователей теории неоклассического реализма нет единого подхода относительно самостоятельности направления как отдельного научного течения и нередко его относят к продолжению или дополнению теории неореализма.

Неореализм апеллирует к понятию структуры с обращением внимания на эффективность и интерактивность процессов в международной системе. Теория концентрировалась исключительно на «высокой» политике (т.е. на «классической» политике безопасности), оставляя «низкую» политику (социально-экономические вопросы) без внимания [2:465]. Таким образом, теория неореализма утверждает, что государства являются основными акторами в международной системе, при этом они рассматриваются гомогенно без внимания к политическому режиму, внутриполитическим особенностям. Вместе с этим, если в фокусе внимания теоретиков других школ ТМО структура возникает из взаимодействия между государствами, то в неореализме структура международной системы оказывает автономное причинно-следственное влияние на государства и побуждает их вести себя сходным образом в конкретных ситуациях [2:466].

Теория неоклассического реализма в содержательном отношении исходит из того, что, во-первых, международная система (системный уровень) воздействует на каждое государство нелинейно. Во-вторых, ответы государств (элементный уровень) на ее воздействие многосложны и уникальны. В-третьих, на уровне атрибутов государства (совокупность элит, государственных органов, которые принимают решения и взаимодействуют с обществом) воздействие оказывает то, как воспринимаются ими угрозы. Неоклассики подчеркивают, что в общем случае атрибуты элементного уровня должны действовать в гармонии со стимулами, идущими от международной структуры [3:104], однако ставят под сомнение автоматизм и прозрачность этих ответов [4].

Важным нововведением неоклассической теории реализма является введение

в оборот понятия переменных: т.е. факторов, которые могут иметь различную степень влияния на конечное поведение государства. Их разделяют на системные: распределение силы, стратегическое окружение, степень неопределенности в международной системе, а также переменные модификаторы, которые обязательно относятся к структуре, но оказывают избирательное влияние. Например, геополитическое положение государства. Элементные переменные относятся к внутренним атрибутам государства: убеждения и установки лидеров, стратегическая культура, специфика отношений между основными институтами власти, а также между ними и обществом [5].

Говоря о природе международной среды, следует отметить, что неоклассический реализм, как и неореализм признают ее анархичную природу, обусловленную конкуренцией государств за власть и ресурсы. При этом если в анархичности неореалисты видели враждебную среду, так как государства находятся в перманентной ситуации отсутствия безопасности и неясных намерений со стороны других государств, неоклассики, в свою очередь, в анархии видели не потенциально конфликтную среду, а неопределенную обусловленную как сотрудничеством, так и конфликтом.

Вместе с этим есть еще один подход, в котором теории сохранили преемственность. Это утверждение о структурном влиянии распределения сил на политику государства. Однако в отличие от неореалистов, неоклассики утверждают, что баланс сил возникает в самом политическом процессе, а не является неким естественным состоянием международной системы. Анархичная среда объективно диктует политику балансирования, но выбор государства зависит еще от внутривнутриполитических условий [3:106].

Таким образом, теория неоклассического реализма осталась в постулатах теории неореализма, дополняя ее вариативностью переменных системного и элементного уровней, которые при определенных обстоятельствах могут влиять на процесс принятия решений в сложившихся структурных условиях.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА НА РУБЕЖЕ 1989—1992 ГГ.

В Фокус внимания для характеристики международной системы в рассматриваемый временной период будет преимущественно направлен на процессы, происходящие на европейском континенте. С одной стороны, это отвечает исследовательской задаче. С другой стороны, следует исходить из того, что процессы развития изменили конфигурацию сил в Европе и в итоге привели к изменению мировой системы в целом.

Биполярная структура международного взаимодействия, которая действовала после окончания Второй мировой войны и трансформировалась от кооперационной к конфронтационной модели к середине 50-гг. [6]. В рамках этой модели СССР и США до середины 80-гг. ввели жесткое соперничество — политическое, экономическое, военно-технологическое, разделив страны мира на два блока: «социалистический», руководимым СССР и «капиталистический», во главе с США (в 60-х гг. на фоне политики деколонизации сформировался блок стран объединившийся в движение неприсоединения). В международной системе сформировалась так называемая «конфронтационная стабильность», которая несмотря на чередование волн снижения и роста международной напряженности регулировала международное взаимодействие. Вместе с этим международный ландшафт складывался

в неизменном стремлении СССР и США к установлению своего преобладающего влияния в международных делах.

В середине 1980-х гг. после избрания на второй президентский срок Рональда Рейгана в США была объявлена внешнеполитическая стратегия, основанная на доктрине «нового глобализма». Доктрина предусматривала противостояние «мировому коммунизму» в любой точке мира. При этом сама идея была новой, она практически продолжала внешнеполитическую линию, в основе которой находилась неоконсервативная идеология первого президента Р. Рейгана, вошедшая в научный оборот как «доктрина Кирпатрик». Доктрина предусматривала оказание открытой и тайной помощи антисоветским силам, которые боролись против СССР и поддерживаемых ими левых режимов [7]. Деление стран мира по принципу коммунистические и некоммунистические в практическом плане означало борьбу с режимом в первых и поддержку антикоммунистических движений и политических сил в последних. Несмотря на заявленные доктриной глобальные цели, реализована она была преимущественно в странах Латинской Америки, которые и определялись как приоритетные в «отбрасывание коммунизма» [8].

Во второй половине 1980-х гг. внешнеполитическая стратегия СССР перетерпела существенные изменения. Доктрина внешней политики стала называться концепцией «нового политического мышления». В расширенном формате ее положения были представлены в речи Михаила Горбачева на сессии Генеральной ассамблеи ООН 8 декабря 1988 г. Она основывалась на двух принципиальных положениях: признание приоритета общечеловеческих ценностей и общей безопасности. Кризис советской системы (в т.ч. экономический),

который был отмечен к вышеуказанному периоду, потребовал новых подходов от советского руководства для его преодоления. В этой связи, Москвой был избран курс, известный как «гласность» и «перестройка». Внутриполитические процессы коррелировались с внешнеполитической риторикой. СССР заявлял о приверженности принципам коллективной безопасности и уважения суверенного права народов на их выбор пути развития.

При этом М. Горбачев призывал к переходу от конфронтации к партнерству в вопросах международного сотрудничества и безопасности т.е. к трансформации конфронтационного варианта биполярности в кооперационный. Как обращают внимание авторы монографии История внешней политики США, «"переидеологизация" советской политики была настолько радикальной, что в США не сразу поверили в ее реальность, хотя подобная «коренная перемена» в советском подходе к международным делам первоначально ставилась США как одной из основных целей стратегии сдерживания» [7].

Поставленная цель по изменению конфронтационного варианта международного взаимодействия на кооперационный к началу 1989 г. была достигнута. Как отмечает российский теоретик международных отношений А.Д. Богатуров, оценивая тот период, СССР «фактически добился права на недискриминационное сотрудничество с Западом при сохранении своего привилегированного глобального статуса (...) в новых условиях Советский Союз сохранил достаточно влиятельную роль ключевого партнера США, без которого мировое управление было невозможным» [6]. Однако «данная модель заработать в полную меру не смогла. Этому способствовала радикализация внутренних процессов в 1991 г., по итогам

которых Советский Союз перестал существовать» [6].

В этой связи значительным представляется фактор кардинального изменения баланса сил в Европе. Основными процессами на пути формирования новой конфигурации были «бархатные революции» в Восточной Европе (1989-1990 гг.), а в последующем – объединение Германии (1990 г.), роспуск Организации Варшавского договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) (1991 г.). Тот период отличался скоростью трансформаций. Еще в начале 1989 г. общая направленность начатых процессов преобразований была не ясна. Начиная с лета 1989 г., с проведением «круглого стола» в Польше, затем в Венгрии, ГДР, Чехословакии, Болгарии и в декабре – в Румынии, обусловил транзит власти от коммунистических партий к реформистским с ориентацией на демократизацию стран. Данные преобразования в восточноевропейских странах поддерживались как Москвой, так и Вашингтоном. При этом для СССР была характерна линия невмешательства в политические процессы социалистических стран.

Более того, в конце ноября 1989 г. канцлер ФРГ Г. Коль выступая в Бундестаге объявил о плане объединения ФРГ и ГДР. План состоял из десяти пунктов и содержал три ключевые идеи: учреждение договорного союза между обоими немецкими государствами, создание конфедеративных структур и образование федерации [9]. Также как и со сменой политических режимов в странах Восточной Европы процесс объединения на основе плана Г. Коля создавал впечатление поэтапности, который потребует значительного времени. Однако, как известно, он начался стихийно: с возмущения граждан ГДР ограничением их прав и свобод, с открытия Бранденбургских ворот,

а затем и разрушения Берлинской стены [10]. Он завершился в июле 1990 г. после достигнутых договоренностей между М. Горбачевым и Г. Колем (тогда президент СССР дал согласие на объединение Германии). При этом, германский вопрос стал одним из ключевых в ходе встречи М. Горбачева и Дж. Буша на Мальте 2-3 декабря 1989 г. и оставался важнейшим в международной жизни начала 1990 г.

ПослесменнорежимоввстранахВосточной Европы и объединения Германии начался стремительный развал Варшавского договора и европейского социалистического лагеря. Страны объявили о своем цивилизационном единстве с Западом и провозгласили целью «возврат в Европу» [8]. Организация Варшавского договора была распущена решением СССР и восточноевропейских стран 25 февраля 1991 г., а 1 июля 1991 г. она была ликвидирована. Несколькоими днями ранее, 28 июня 1991 г. прекратил свою деятельность и Совет экономической взаимопомощи.

Таким образом, произошедшие трансформации в Европе позволили США укрепиться в роли главенствующей мировой державы. Соотношение сил между СССР и США изменилось в пользу Вашингтона во всех ключевых регионах мира. Шаги СССР по смене парадигмы международного взаимодействия привели к ослаблению ее стратегического положения. В свете принципов «реалполитик» внешнеполитическая линия М. Горбачева представлялась идеалистической. Под влиянием совокупности факторов для СССР тот период характеризуется преимущественно как период уступок. При этом окончательное оформление миропорядка с доминирующим положением США закрепилось после распада СССР в конце 1991 г. Подводя итог можно сказать, что международная система в рассматриваемый

период сохраняла биполярную структуру, при этом международная среда характеризовалась очевидной асимметрией в пользу США.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУМЫНИИ 1989—1992 ГГ.

В международной системе Румыния в 1989 году входила в сферу влияния СССР, являясь страной участником ОВД и СЭВ. При этом в свете проводимой внутренней и внешней политики она оставалась «диссидентом» в социалистическом лагере. Ранее, до 1989 г. такой «образ» был закреплен в связи с проводимым внешнеполитическим «особым курсом», который соотносился с традициями Румынии в ведении внешнеполитической деятельности (например, Румыния выступила с критикой позиции СССР в советско-китайском конфликте, призвала к пересмотру характера экономических отношений в рамках СЭВ, а также осудила вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 г.). Под традициями румынской дипломатии понимается, прежде всего, ориентация на наиболее мощный внешний центр силы при сохранении активных политических связей со всеми другими центрами силы [11]. Использование противоречий между СССР и США позволяло Н. Чаушеску получить экономические, военно-политические и даже репутационные выгоды (например, в августе 1969 г. Бухарест посетил вступивший в должность президент США Р. Никсон).

Вместе с этим румынская политика показала, особенно на фоне сближения Москвы и Вашингтона, с середины 80-х гг., снижение своих адаптивных способностей. К декабрю 1989 г. Румынии оказалось практически в состоянии изоляции как в отношениях с СССР и США, так и в отношениях со странами социалистического содружества. Н. Чаушеску занимал

критичную позицию в вопросах внутриполитической либерализации: по примеру проводимой в СССР политики «гласности» и «перестройки», а также в вопросах самоопределения стран Восточной Европы (например, Н. Чаушеску по итогам событий в Польше в августе 1989 г. направил письмо странам Варшавского договора с просьбой созыва глав коммунистических партий. На нее последовала жесткая реакция) [12]. Сама система правления Румынии на внешней арене характеризовалась как антинародная и диктаторская [13]. Среди ключевых проблем, которые активно обсуждались: защита прав человека, политика в отношении национальных меньшинств, эмиграционная политика и политика по систематизации сельской местности с формированием урбанистических центров. В то же время сложной была и социально-экономическая ситуация в стране (например, для граждан были введены нормы ограничивающие потребления продуктов питания, услуг и др.). Таким образом, свержение режима Н. Чаушеску происходило в логике происходящих процессов в Восточной Европе. Хотя имело и отличие: оно было насильственным, тогда как в соседних странах переход власти происходил через переговоры. При этом, внешнеполитическая линия Румынии была обусловлена инерцией румынского руководства относительно перемен на международном (системном) уровне.

Фронт национального спасения (ФНС) во главе с И. Илиеску был сформирован в период массовых протестных манифестаций. Вначале ФНС действовал как самопровозглашенный орган власти. В январе 1990 г. руководство ФНС объявило о намерениях трансформироваться в политическую партию для участия в выборах. Вскоре после падения режима

Н. Чаушеску на политической арене в Румынии помимо ФНС появились и ранее запрещенные партии: национально-крестьянская (НКП) и национально-либеральная (НЛП). В стране таким образом был сформирован политический плюрализм, хоть и с определенными издержками. Назначенные на май 1990 г. выборы по избранию президента и парламента страны заложили на короткий двухлетний срок основу публичной организации новой политической власти. По итогам выборов большинство мандатов в парламент Румынии получил ФНС. Результат «исторических партий» оказался низким, вместе они набрали около 10% голосов. Президентом страны стал И. Илиеску получив 85% голосов. Несмотря на это, новая власть не обладала полной легитимностью. В первую очередь, из-за отсутствия условий реальной политической конкуренции и равной борьбы за власть. Вскоре (в июне) стали проводиться протестные манифестации, участники которых оспаривали результаты выборов.

Принимая во внимание внутриполитическое развитие (элементный уровень), а также внешний контекст (системный уровень) на основе теории неоклассического реализма следует выявить условия, которые формировали внешнеполитическое поведение Румынии.

Во-первых, политическая динамика в первые месяцы после падения режима Н. Чаушеску формировала опасения возможности внешнего вмешательства. Протестные манифестации оппозиции, которые оспаривали легитимность новой власти в январе, а также в июне и их подавление при помощи шахтеров (позже стали называется «минериады») вызвали негативную реакцию и освещались в иностранных СМИ. Как и возникший румыно-венгерский межэтнический конфликт в марте 1990 г. в г. Тыргу-Муреш.

Во-вторых, были опасения относительно возможной ревизионистской и ирредентистской политики Венгрии в отношении Трансильвании. В этой связи заявление Й. Антапп о намерении быть премьер-министром для 15 миллионов венгров (численность населения в самой Венгрии в 1990 г. около 11 миллионов граждан), а также другие заявления высокопоставленных венгерских руководителей вызвали резонанс и тревожную реакцию в Бухаресте.

После победы ФНС западным лидерам не нравилось ни новое руководство страны (имевшее не диссидентское, а партийное прошлое), ни картины «минериад» и межэтнических столкновений [14]. Москва, напротив, несмотря на поддерживаемые с ее стороны процессы, которые привели к коренным политическим изменениям в странах Центрально-Восточной Европы, была нацелена на сохранении своего влияния в регионе. В этом смысле Румыния имела для СССР важное значение с учетом того, что Чехословакия, Венгрия и Польша в дальнейшем стали выступать за постепенный роспуск структур советского блока. Бухарест в свою очередь выражал готовность договариваться с СССР по широкому кругу вопросов, в том числе, по определению нового формата отношений между СССР и странами региона, рассчитывая при этом получить соответствующую поддержку и со стороны Москвы. Также в условиях внутренней нестабильности, экономического кризиса и нарастания межэтнической напряженности Румыния не спешила отказываться от военно-политических гарантий СССР [14].

В апреле 1991 г. Румыния подписала с СССР Договор о сотрудничестве, добрососедстве и дружбе. Известно, что положения Договора (ст. 4) ограничивали вхождение сторон в военные союзы,

направленные друг против друга и использование территории третьими государствами для совершения агрессии против другой стороны. В Румынии реакция многих политиков и СМИ относительно содержания Договора была отрицательной. Преобладало мнение, что Договор ограничивал Бухарест в выстраивании отношений с НАТО. Данное утверждение И. Илиеску опровергал, отмечая, что возможность Румынии претендовать на вступление в НАТО сохранялась. Он указывал, что после окончания холодной войны НАТО не попадало под определение враждебного союза, представляющего угрозу другой стороне [15]. Формирование в феврале 1991 г. Вишеградской группы (Венгрия, Чехословакия, Польша) и участие в нем Румынии актуализировали для страны положение изолированности от внешнеполитических процессов. В этой связи фактор сближения с СССР можно объяснить формирующимся дисбалансом между бывшими социалистическими центральными и восточными странами. В ходе встречи глав МИД СССР и Румынии в марте 1991 г. Министр иностранных дел Румынии А. Нэстасе предложил идею создания «Союза Центральной и Восточной Европы» так как, по его словам, «Восточная Европа не может функционировать только в виде формулы Венгрия – Чехословакия – Польша» [16].

Таким образом, ориентация Румынии в сторону СССР (в то время как Венгрия, Чехословакия и Польша стали ориентироваться на США) объяснялась не структурой международной системы, в которой преобладал Запад, а влиянием переменных системного уровня, о которых говорит неоклассический реализм: внешнее окружение, восприятие угроз, геополитическое значение страны (географическое положение Румыния в этом смысле

стало важным только к 2000 гг. в контексте антитеррористической кампании США, а позже близости к России и размещения военных объектов). Подписание Договора с СССР демонстрировало желание Румынии не создавать дополнительных сложностей в отношениях с Москвой, в условиях ограниченности и сдержанности контактов с другими западными странами и региональными государствами.

При этом двусторонний диалог Румынии и СССР в период с 1990–1992 гг. оставался самыми обсуждаемым в контексте выбранной Бухарестом внешнеполитической стратегии. Нередко данные обсуждения приводились в рамках формируемого политического образа И. Илиеску – учился в Москве, занимал должность секретаря ЦК в Румынской коммунистической партии (в 70-е гг. на фоне конфликта с Н. Чаушеску его роль в партийной иерархии значительно снизилась). В конце 80-х годов И. Илиеску разделял идеи перестройки и социалистического обновления. «Промо-сковская» ориентация И. Илиеску, как утверждалось, укрепилась в результате полученной поддержки со стороны Москвы и установления личных контактов с М. Горбачёвым (была также версия, что И. Илиеску со времени учебы в Московском энергетическом институте был знаком с М. Горбачевым [14]).

В своем первом мандате И. Илиеску как известно, поддерживал процесс демократизации и перехода к рыночной экономике смешанного типа, а при проведении реформ исходил из принципа «поэтапности». Вместе с тем не отрицая необходимость экономических реформ, он подчеркивал, что в стране с наследием сверхцентрализованной плановой экономики неприменимы рецепты чешского, польского или венгерского образца [14]. Данная позиция была важна в условиях

существующей тогда связки между внутривнутриполитическими преобразованиями и внешнеполитической привлекательностью страны. В этом смысле будучи политиком скорее осторожным, сторонником поэтапного движения к цели в своей политике он проявил консерватизм в условиях существования «специфического международного контекста» [17].

Несмотря на это, решения И. Илиеску, принимаемые в сфере внешней политики, не исключали возможности для политического маневра. Например, И. Илиеску на переговорах с М. Горбачевым в 1991 г. в отношении Запада заявлял, что тот «хочет воспользоваться нашим действительно тяжелом положении», в то время как американской прессе говорил, что «для румын Америка – самая вдохновляющая нация» [14]. Тем самым подтверждая его приверженность к традиционному подходу Румынии в ведении международной политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном исследовании выявлено, что международная система в рассматриваемый период сохраняла биполярную структуру. Несмотря на слабые позиции Советского Союза, вызванные внутривнутриполитическими проблемами, согласование мнений по международной проблематике т.е. выработка правил «игры» в перестройке мировой политике оставалась за СССР и США. Однако в условиях стратегического перевеса США, такие страны как Польша, Венгрия, Чехословакия стали дистанцироваться от СССР. Данное явление объясняется причинно-следственному влиянию международной структуры на государства. При этом в случае Румынии этого не произошло.

Применяя теорию неоклассического реализма определены причины объясняющее

специфическое внешнеполитическое поведение. Среди них: 1) наследие международной изолированности. На момент смены тоталитарного режима у Румынии не было, по сравнению с другими странами социалистического содружества, доверительных контактов со странами Запада, а отношение к И. Илиеску было сдержанным; 2) преобладание «человеческого» измерения в международных делах. Вопросы соблюдения прав человека значительно секьюритизировались. Их несоблюдение в отдельной стране могли

стать поводом для внешнего вмешательства. СССР с учетом позиции о невмешательстве во внутренние дела мог в этом смысле оказать поддержку;

3) консервативный метод правления И. Илиеску.

В контексте международной системы стоит отметить скорость развития событий. Таким образом, в прогнозном отношении факт распада СССР не был столь очевидным на тот момент. Сделанные выводы не исчерпали проблематику исследования, позволяя и дальше верифицировать теорию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Чихарев И.А., Косоруков А.А. Неоклассический реализм: к проблеме соотношения переменных глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитического курса. *Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки*. 2010;1:50-66
2. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. Москва: Издательство «Аспект Пресс»; 2019. 608 с.
3. Коньшев В.Н. Неоклассический реализм в теории международных отношений. *Полис. Политические исследования*. 2020;4:94-111.
4. Ripsman N., Taliaferro J., Lobell S. Neoclassical Realist Theory of International Politics. NY: Oxford University Press; 2016. 208 p.
5. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*. 1998;51(1):144-172.
6. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание А.Д. Богатуров. Москва: Издательство «Аспект Пресс»; 2017. 480 с.
7. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. Москва: Международные отношения; 2012. 672 с.
8. Согрин В. В. Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 годы. *Новая и Новейшая история*. 2015;6:36-52.
9. Об объединении Германии. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/ob-obedinenii-germanii/ (дата обращения 21.02.2024)
10. Ахтамзян А.А. Международные политические последствия обьянения Германии. *Вестник МГИМО Университета*. 2012;4:117-130
11. Между Москвой и Брюсселем. Москва: Институт славяноведения РАН; 2016. 336 с.
12. *Revoluția Română din Decembrie 1989 în context internațional* / Ioan Scurtu. București. Editura enciclopedică. Editura Institutului Revoluției Române din Decembrie. 1989. 2006. 362 p.
13. Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / Отв. ред. К. В. Никифоров.

Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); 2011. 776 с.

14. Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX – начало XXI в. / Отв. ред. К.В. Никифоров. Москва: Институт славяноведения РАН, СПб.: Нестор-История; 2022. 584 с.

15. Zaharia Dragoș. Politica externă a României de la izolare la începerea negocierii

de aderare la Uniunea Europeană. Târgoviște: Cetatea de Scaun; 2014. 308 p.

16. Путинцев И.С. Дипломатия переходного периода: эволюция внешней политики Румынии (декабрь 1989 года – 1992 год). *Славяноведение*. 2023;1:23-36

17. Лошаков А.А. Основные принципы внешней политики президента Румынии И. Илиеску (1990-1996 гг.). *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2008;5:236-240

REFERENCES:

1. Chikharev I.A., Kosorukov A.A. Neoclassical realism: touching the problem of correlation between the variables at Global and Nation-state levels in the formation of the Foreign Policy. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2010;1:50-66 (In Russ.)

2. Alekseeva T.A. Theory of International Relations as a Political Philosophy and Science. Moscow: Aspect Press; 2019. 609 p. (In Russ.)

3. Konyshv V.N. Neoclassical Realism in the Theory of International Relations. *Polis. Political Studies*. 2020;4:94-111. (In Russ.)

4. Ripsman N., Talianferro J., Lobell S. Neoclassical Realist Theory of International Politics. NY. Oxford University Press; 2016. 208 p.

5. Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*. 1998;51(1):144-172

6. Contemporary International Relations and Russia's Foreign policy: scientific edition / A.D. Bogaturov Moscow: Aspect Press; 2017. 480 p. (In Russ.)

7. Pechatnov V.O., Manykin A.S. The History of the US Foreign Policy. Moscow: International Relations; 2012. 686 p. (In Russ.)

8. Sogrin V. Dynamics of rivalry of the USSR and the USA during the Cold war. 1945-1991. *Modern and Contemporary History*. 2015;6:36-52. (In Russ.)

9. The unification of Germany. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/ob-obedinenii-germanii/ [accessed: 21.02.2024] (In Russ.)

10. Akhtamzyan A.A. International Political consequences of German unification. *MGIMO Review of International Relations*. 2012;4:117-130. (In Russ.)

11. Between Moscow and Brussels. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS; 2016. 336 p. (In Russ.)

12. The Romanian Revolution of December 1989 in international context / Ioan Scurtu. Bucharest. Ed. Institute of the December 1989 Romanian Revolution. 2006. 362 p. (In Ro.)

13. Reforms and revolutions in the countries of Central and South-Eastern Europe-20 years later / K.V. Nikiforov (Ed.). Moscow: ROSSPEN; 2011. 776 p. (In Russ.)

14. The new elite in the countries of Central and South-Eastern Europe: political portraits. The late twentieth to early twenty-first centuries. / K.V. Nikiforov (Ed.). Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.; St. Petersburg. Nestor-History; 2022. 584 p. (In Russ.)

15. Zaharia Dragoș. Romania's foreign policy from isolation to beginning accession negotiations to the European Union / Târgoviște: Cetatea de Scaun; 2014. 308 p. (In Ro.)

16. Putintsev I.S. Diplomacy in the Times of Transition: Evolution of Romania's Foreign Policy (From December 1989 to 1992). *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. 2023;1:23-36 (In Russ.)

17. Loshakov A.A. Main Foreign Policy Principles of the Romanian President I. Iliescu (1990-1996). *Vestnik of Lobachevski University of Nizhni Novgorod*. 2008;5:236-240 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Даниела Г. Драган

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1; dragan_dana90@yahoo.com

Daniela G. Dragan

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia; dragan_dana90@yahoo.com